

На правах рукописи

ЛИТОВЧЕНКО Елена Викторовна

**ПОЗДНЕАНТИЧНАЯ ЭПИСТОЛОГРАФИЯ
В КОНТЕКСТЕ МЕДИЕВАЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРНОГО
КОНТИНУИТЕТА НА ЛАТИНСКОМ ЗАПАДЕ (IV-VI ВВ.)**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 07.00.03 – всеобщая история
(история древнего мира)

Белгород – 2021

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Научный консультант: **Болгов Николай Николаевич**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Абрамзон Михаил Григорьевич**
доктор исторических наук, профессор, профес-
сор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО
«Магнитогорский государственный техниче-
ский университет им. Г.И. Носова»

Казakov Михаил Михайлович
доктор исторических наук, профессор, профес-
сор кафедры теории и истории государства и
права ФГБОУ ВО «Смоленский государствен-
ный университет»

Тюленев Владимир Михайлович
доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры всеобщей истории и международных
отношений ФГБОУ ВО «Ивановский государ-
ственный университет»

Защита диссертации состоится «11» июня 2021 г. в 16-00 ч. на заседании диссертационного совета «БелГУ.07.01» по защите докторских и кандидатских диссертаций в ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, корпус 1, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ <http://vak2.ed.gov.ru/> и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» <http://www.bsu.edu.ru>.

Автореферат разослан «09» апреля 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

И.В. Денисова.

Актуальность исследования. Обращение к позднеантичным сюжетам в настоящее время актуализируется все более явно проявляющимися сходными современными проблемами глобальных переходных процессов цивилизации, утраты традиционных нравственных ориентиров, смены парадигм мировосприятия, острого кризиса идентичности, обусловленных влиянием в современном мире процессов глобализации, передвижениями масс населения в чуждую этнокультурную среду. Эти вопросы стоят так же остро, как и в позднеантичную эпоху, определяемую историками как переходное время, сложность изучения которого заключается в транзитивности, изменчивости, незавершенности его процессов. Сходство позднеантичной и современной эпох в большой мере объясняется общей – финальной – стадией развития обеих цивилизаций как особых культурно-исторических организмов. Подобные параллели определяются также рекурсивным характером истории, и в этом смысле интересующие нас континуальные явления позднеантичного времени особенно показательны, поскольку предоставляют исследователю благодатный материал для анализа динамических процессов в ментальности человека и их внешней репрезентации. В связи с изменением ментальных установок, «размыванием» структуры основных социальных групп и их динамикой, на первый план выходят проблемы континуитета, преемственности, сохранения элементов традиционной культуры, выработанных в течение прошлых столетий, самоидентификации человека, его самоопределения в обществе, отождествления с тем или иным социальным слоем.

Континуитет (с лат. *continuitas* – непрерывность) – понятие, в самом упрощенном понимании означающее преемственность эпох, продолжение отдельных элементов прошлого в будущем, проявляющееся в различных сферах общественного бытия. Феномен континуитета – один из самых сложных в науке, он предполагает построение динамической модели эпохи из различных взаимодействующих элементов в системе «преемственность – дискретность». К континуальным чертам изучаемого периода мы относим имперский и мифологический компоненты сознания, выражающиеся в источниках (в данном случае – в позднелатинской эпистолографии) посредством приема «визуализации прошлого», светско-аристократический образ жизни или отдельные его аспекты, саму приверженность античному эпистолярному жанру, включающему элемент публичности, риторическое мышление.

Под *медиевализацией* нами понимается глобальная трансформация, постепенное превращение позднеантичного мира в средневековый. К медиевальным чертам изучаемой эпохи можно причислить христианизацию и отправление церковных должностей позднеантичной аристократией; экзегетические рассуждения интеллектуалов с классическим образованием, включающие как цитаты из Писания, так и комментарии к ним; влияние варварского элемента, выразившееся в изменении отношения к ним от античного ойкуменизма с его дихотомией «свой-чужой», до принятия отдельных представителей варварского сообщества в круг равных; превалирование частной власти над публичной – в нашем случае, это деятельность епископов в рамках его епархии. Вместе с тем, существуют подходы и определения медиевализации как преимущественно деградации, упрощения и ис-

кажения культуры¹ в переходное позднеантичное время. Признавая определенный резон такого восприятия, мы все же делаем акцент на средневековом, как на новом, ином, а не упадочном или упрощенном. Острая проблема взаимосвязи процессов христианизации и средневекизации, которая иногда понимается в духе прямой связи или даже ответственности христианской церкви за деградацию (и даже разрушение) культуры в Раннее Средневековье², нами специально не ставилась, так как исследующие ее ученые постулируют полный разрыв старого и нового в результате гибели античного мира (в том числе, в результате целенаправленных разрушительных усилий), с чем, в принципе, невозможно согласиться. Напротив, нас интересуют континуальные процессы в сознании людей, определяющие культурный облик эпохи, т.е., в фокусе исследования находится не просто переходная эпоха, но, в первую очередь, социальное измерение происходящего через призму восприятия представителей классически образованной интеллектуальной элиты, генерирующей, консервирующей и транслирующей духовное наследие последующим поколениям и эпохам. Соотношение противоположно направленных векторов исторического развития, ориентированных или на зарождающуюся эпоху, или на уходящую, является важным источником знаний о консервации и включении в обновляющуюся «программу» бытия, в том или ином виде, традиционных конструктов сознания, закладывающих фундамент последующих периодов и обуславливающих континуитет между античной и средневековой цивилизациями. Проблема «индивидуализации макрокосма», т.е. восприятия динамики экономических связей, социально-политических и культурных процессов через призму сознания отдельного индивида или социальной группы на этом фоне предстает особенно важной. Проследить указанные процессы возможно, используя эго-документы, источники личного происхождения, каковыми, безусловно, являются *письма* – тексты, которые сигнализируют о цели их создания через форму или структуру, обращаясь от одного человека к другому. Именно *эпистография* позволяет исследователям почувствовать атмосферу прошлого, погерменевтически «вжиться в эпоху», поскольку информация, заложенная в письмах, носит отпечаток той культуры, в недрах которой эти письма создавались, отличается глубокой саморефлексией, крайне эмоциональной реакцией автора на происходящее, направлена на его самопрезентацию.

Помимо прочего, немаловажным фактором, обуславливающим актуальность исследования для отечественной исторической науки, выступает новая жизнь источников. Новое прочтение и интерпретация ранее сравнительно мало привлекаемых источников – таковыми мы считаем коллекции писем Павлина Ноланского, Фавста Регийского, Руриция Лиможского, Авита Вьеннского, Цезария Арелатского и др. – позволит глубже и масштабнее проанализировать все закономерности исторического процесса, приведшего к фундаментальным изменениям в жизни мировой цивилизации. Огромное количество текстов рассматриваемого

¹ Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы: антикварная традиция и средневекизация исторического знания в Ранней Византии. Автореф. дисс. ... к.и.н.: 07.00.03. Белгород, 2017. С. 4; Зайцева И.В. Александрийская интеллектуальная традиция и средневекизация знания (III – I пол. VII вв.). Автореф. дисс. ... д.и.н.: 07.00.03. Белгород, 2020. С. 5.

² Например: Nixey C. Darkening Age. Christian Destruction of the Classical World. London, 2019. 368 p.

времени (в совокупности они по объему превышают все тексты классической античности) и недостаточное внимание к ним в исторических исследованиях, отсутствие в своей массе русских переводов, делают обращение к ним весьма востребованным.

Степень разработанности проблемы. До 70-х гг. XX в. период поздней античности однозначно воспринимался историками как время кризиса и упадка Римской империи (в русле сложившейся усилиями британского историка Э. Гиббона традиции, в концентрированном виде представленной в его многотомном труде³), но с выходом в свет сочинения П. Брауна «Мир Поздней Античности: от Марка Аврелия до Мухаммеда (150—750)»⁴, в науке получило развитие новое направление, так называемая «постгиббоновская концепция» («Late Antiquity», «Postclassical World»), в соответствии с которой позднеантичное общество воспринималось не только временем кризиса и упадка, но и закономерным этапом развития античной цивилизации. Согласно этому направлению, своеобразие эпохи заключается в культурном континуитете между позднеантичной и раннесредневековой Европой, при этом двумя главными качественными характеристиками, как для любого переходного времени, выступают традиция и транзитивность, т.е. переходность при сложном взаимодействии различных факторов исторического процесса и элементов культуры. Переходный характер процессов, происходивших в средиземноморском мире в промежутке между IV и VI веками, позволил историкам дифференцировать данную эпоху, рассматривая ее как самостоятельный этап историко-культурной эволюции и привлекая для ее освещения максимально широкий круг источников, куда по праву входят и так называемые «эго-документы», придающие историческим свидетельствам личный характер. Данный поворот весьма важен для истории, поскольку восприятие переходных эпох через социальное измерение продвигает историческое знание о смене качественных состояний в социокультурном процессе. Начиная с 90-х гг. XX в. появилось достаточное количество работ, освещающих те или иные аспекты позднеантичной истории и культуры. Большая часть из них проанализирована и обобщена в статье И.Ю. Ващевой⁵.

Самым непосредственным образом с нашим исследованием связаны труды, посвященные изучению специфики и динамики позднеантичной эпистолографии. Долгое время исследователи уделяли мало внимания этому вопросу по нескольким причинам. Нацеленные на обмен повседневными фактами, письма казались ограниченным источником с точки зрения истории; филологи обращались к эпистолографии, чтобы в очередной раз доказать факт оскудения литературной традиции в период поздней античности; богословский интерес к эпохе находил в письмах лишь дополнительное понимание религиозных событий того времени, и поэтому послания обычно использовали для реконструкции жизни Отцов Церкви. Спусковым механизмом для изменения точки зрения стало осознание того, что ас-

³ Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. М., 1997.

⁴ Brown P. The World of Late Antiquity, from Marcus Aurelius to Muhammad. London, 1971. 216 p.

⁵ Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 220–231.

пекты, которые с исторической и литературной точки зрения свидетельствовали о девальвации интеллектуальной традиции, стали ярким свидетельством культурно-исторического фона поздней античности. Политическое, религиозное и, в целом, культурное содержание эпохи сочетаются со стратегиями утверждения личности ее авторов перед лицом разнообразных преобразований, произошедших в этот переходный период. В силу распространения новых методологических подходов в рамках лингвистического поворота в истории, в последние пару десятилетий эпистолография перестала быть «Золушкой научных исследований»⁶.

Античный эпистолярный жанр в целом находился в центре внимания многих ученых последнего десятилетия, особенно в области классических и новозаветных штудий⁷. До недавнего времени, в фокусе исследований оказывались, в основном, отдельные авторы и их коллекции, при этом комплексный анализ сходства или различия коллекций писем поздней античности с классической греко-римской эпистолографией не завершился попыткой создания какого-либо обобщающего труда в силу масштабности этой задачи. В хронологическом отношении специфика данных работ до начала 90-х гг. XX в. заключается в отсутствии «глобализирующего» подхода к рассмотрению коллекций как целостного феномена, а не совокупности отдельных писем одного автора. Применительно к эпистолографии выбор слова «коллекция» подразумевает «последующую деятельность редактора в отношении писем»⁸, т.е., коллекции литературных писем – это послания, которые были собраны воедино и обнародованы либо в течение жизни, либо после смерти их автора. Мы полагаем, что необходимым условием всякой эпистолярной коллекции кроме внутреннего (тематического) единства должна быть также конструкция, скрепленная риторическими приемами.

В последние несколько десятилетий в историографии наблюдается тенденция синтеза исторического (письма рассматриваются как объективные источники) и филологического (письма как литературные артефакты) подходов в восприятии коллекций. В отечественной историографии попытка соединить оба подхода была предпринята еще в 1967 г. с публикацией коллективной монографии «Античная эпистолография. Очерки»⁹, при этом значительное место составители сборника уделили античным эпистолярным теориям, но не предложили какого-либо унифицированного варианта типологии посланий.

⁶ *Green R.P.H.* The Correspondence of Ausonius // *L'Antiquité Classique*. 1980. Vol. 49. P. 210.

⁷ См., например: *Collecting Early Christian Letters. From the Apostle Paul to Late Antiquity* / Ed. by *B. Neil* and *A. Pauline*. Cambridge, 2015. 276 p.; *Late Antique Letter Collection. A Critical Introduction and Reference Guide* / Ed. by *C. Sogno*, *B.K. Storin*, *E.J. Watts*. Oakland, 2016. 488 p.; *Mathisen R.W.* Ruricius of Limoges and Friends. A Collection of Letters from Visigothic Gaul. Liverpool, 1999. 272 p.; *Mratschek S.* Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen Intellektuellen. Göttingen, 2002. 732 S.; *New Approaches to Sidonius Apollinaris. C. Sollius Apollinaris Sidonius: Briefe Buch I* / Ed. by *J.A. van Waarden* and *G. Kelly*. Leuven, 2013. 397 p.; *The Letters of Symmachus: Book 1* / transl. *M.R. Salzman*, *M. Robert*. Atlanta, 2011. 215 p.; и мн. др.

⁸ *Late Antique Letter Collection. A Critical Introduction...* P. 2. Позиция авторов является рецепцией соображений Й. Сикутриса: *Sykturis J.* Epistolographie // *Realencyclopädie der classischen Alterumwissenschaft*, Supplement 5. Stuttgart, 1924. S. 185–220.

⁹ *Античная эпистолография* / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1967. 285 с.

Среди англо-американских классицистов М. Трапп возглавил синтезный подход к эпистолографии¹⁰. Отказавшись от провокационного определения Ж. Дерридой эпистолографии как «всех жанров, самой литературы», Трапп стремится придать античной эпистолографии более широкое и всеобъемлющее обозначение. Труд М. Траппа можно считать знаковым, т.к. он имел важное последствие: была подвергнута критике жесткая дифференциация А. Дейсманом подлинных посланий и литературных¹¹. В этом же ключе, но раньше, чем публикация А. Дейсмана, появилась отечественная коллективная монография «Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II–V века»¹². Здесь позднеантичная эпистолография рассматривается, в первую очередь, как жанр литературы, при этом, письма делятся на фиктивные и подлинные, и только последние расцениваются и как памятники литературы и как исторические документы.

Смещение акцента на коллекции писем как на самостоятельную литературную единицу утверждается статьей Р. Гибсона¹³, с которой формируется новое понимание античных сборников писем как самостоятельных литературных произведений, дополненных сложной и всеобъемлющей стратегией внутреннего устройства. Трудом, постулирующим данный подход, также стала коллективная монография «Позднеантичная коллекция писем. Критическое введение и руководство по применению»¹⁴. Это, пожалуй, самая масштабная попытка обобщить позднеантичные коллекции писем на основе единого принципа, в качестве которого выбрана систематизация сохранившихся до сего дня рукописей посланий. В коллективной монографии «Античные письма. Классическая и позднеантичная эпистолография»¹⁵ представлена серия тематических исследований, не только анализирующих различные способы манипуляции эпистолярной традицией, но и выявляющих тот эффект, который оказывала публикация сборников писем на их получателей и более широкий круг читателей.

Безусловно, заслуживает внимания работа, посвященная раннехристианским письменным коллекциям¹⁶. Ее авторы изучают отдельные коллекции с I по VI вв., уделяя особое внимание вопросам преемственности и дисконтинуитета в эпистолярной практике.

¹⁰ *Trapp M.B. Greek and Latin Letters: An Anthology with a Translation. Cambridge, 2003. 348 p.*

¹¹ *Deissmann A. Light from the Ancient East: The New Testament Illustrated by Recently Discovered Texts of the Greco-Roman World / Trans. L.R.M. Strachan. 4th ed. Grand Rapids, 1965. P. 228-230.*

¹² *Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II-V века / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1964. 234 с.*

¹³ *Gibson R. On the Nature of Ancient Letter Collections // JRS. 2012. Vol. 102. P. 56-78; См. также: Gibson R. Letters into autobiography: The generic mobility of the ancient letter collection // Generic Interfaces in Latin Literature: Encounters, Interactions and Transformations / eds. T.D. Papanghelis, S.J. Harrison and S. Frangoulidis. Berlin, 2013. Pp. 387-416.*

¹⁴ *Late Antique Letter Collection. A Critical Introduction and Reference Guide / Ed. by C. Sogno, B.K. Storin, E.J. Watts. Oakland, 2016. 488 p.*

¹⁵ *Ancient Letters: Classical and Late Antique Epistolography / R. Morello and A.D. Morrison (eds.). Oxford, 2007. 373 p.*

¹⁶ *Collecting Early Christian Letters. From the Apostle Paul to Late Antiquity / Ed. by B. Neil and A. Pauline. Cambridge, 2015. 276 p.*

Наконец, венчает ряд близких нашей проблематике работ недавний труд немецкого исследователя М. Мюллера¹⁷, попытавшегося обобщить и систематизировать большую часть достижений западных ученых относительно эпистолярных штудий. Автор уделяет внимание как обсуждению фундаментальных вопросов теории коллекций и жанров позднеантичной эпистографии, так и представляет широкую панораму содержательных, праксеологических и функциональных аспектов поздней античности. Акцент здесь сделан на формировании литературной идентичности посредством эпистолярной коммуникации. Несмотря на свою масштабность, исследование представляется вторичным на фоне идей и разработок Р. Гибсона, что демонстрирует и сам М. Мюллер, неоднократно обращаясь к работам британского ученого.

Среди отечественных исследователей, так или иначе, затрагивавших вопросы античной эпистографии, необходимо выделить А.Б. Ковельмана¹⁸ и Г.С. Кнабе¹⁹. Труд Ковельмана представляет интерес предложенной автором типологией эпистографии, согласно которой письма дифференцируются на сентиментальные, морализаторские и иронические. Параграф «Античное письмо» в сочинении Г.С. Кнабе полезен для нас в той степени, в какой раскрывает саму суть античного письма, дает краткий анализ развития эпистолярного жанра в рамках другого переходного периода, каковым являлось позднеереспублканское-раннеимперское время.

Отдельные позднеантичные авторы-эпистографы не раз становились предметом пристального внимания ученых; при этом, цели разнообразных исследований варьировались. Это могли быть политические взгляды, социальные контакты, просопография корпусов писем и многое другое, рассматриваемые в контексте творчества каждого из писателей.

Квинту Аврелию Симмаху посвящено достаточное количество работ, которые концентрируются на функционале его коллекции писем, и, в связи с этим, послания рассматриваются либо как выражение и прокламация его высокого аристократического статуса²⁰, либо как свидетельство и инструмент его политической карьеры²¹.

Подход к произведениям *Децима Магна Авсония* обусловлен его профессией: поэт привлекает внимание, прежде всего, как преподаватель риторики и литератор²² и как человек, благодаря своим талантам добившийся высот в карьере и

¹⁷ Müller G.M. Zwischen Alltagskommunikation und literarischer Identitätsbildung. Stuttgart, 2018. 404 S.

¹⁸ Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид. М., 1988. 192 с.

¹⁹ Кнабе Г.С. Античное письмо // Дерево познания - дерево жизни. М., 2006. С. 502-525.

²⁰ McGeachy J.A. Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West. Chicago, 1942. 377 p.; Callu J.P. Symmaque, Lettres. Tome i: (livres i-ii). Texte établi et traduit. (Collection Budé). Paris, 1972. 238 p.; Уколова В.И. Борьба за алтарь Победы: Квинт Аврелий Симмах // Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. С. 15-29; The Letters of Symmachus: Book 1 / trans. M.R. Salzman, M. Roberts. Atlanta, 2011. 215 p.

²¹ Sogno C.Q. Aurelius Symmachus: a political biography. Ann Arbor, 2006 (Repr. 1969). 140 p.; Шкаренков П.П. Квинт Аврелий Симмах: риторика и политика // ВИ. 1999. № 7. С. 154-159.

²² Cole P.R. Later Roman Education in Ausonius, Capella and the Theodosian Code. Albany, N.Y., 1909. 51 p.; Перфилова Т.Б. Воспоминания Авзония и Аполлинария Сидония о

являющий собой яркий пример социальной мобильности в позднеантичном обществе²³. Безусловно, имеет место и филологический интерес к его трудам²⁴. Отечественная классическая филология рассматривает его литературный портрет в контексте эпохи²⁵. Но, пожалуй, наибольший интерес исследователей фокусируется на феномене взаимоотношений Авсония с его учеником и другом Павлином Ноланским²⁶, расценивающимся как символ переходной эпохи, объединяющей приверженцев старой языческой традиции и новой христианской.

Амвросий Медиоланский, как и Симмах, стал ключевой фигурой IV в., представляющей оппонента последнего в споре между язычеством и христианством. На основании этого факта фигура епископа Медиолана послужила стимулом для исследователей реконструировать облик эпохи через призму жизни и взглядов Амвросия²⁷; также на примере его деятельности рассматривались взаимоотношения церкви и государства²⁸ с акцентом на политическом аспекте²⁹.

Августин Гиппонский – настолько крупный деятель эпохи, что его обширная историография потребовала неоднократного обобщения³⁰; среди подобного рода работ присутствует и антология отечественных исследований жизни и творчества Августина, объединяющая представителей как философской, так и исторической областей знания³¹. Конверсия Августина рассматривалась, в основном, на материале «Исповеди»³², а совокупность его взглядов в трактатах³³; многие авторы ста-

преподавателях высших школ Галлии IV-V вв. // Ярославский педагогический вестник. 2003. №2(35). С. 14-21; *Id.* Высшее образование в Римской империи: культурологический аспект. Дисс. докт. ист. наук: 24.00.01. Ярославль, 2004. 783 с.

²³ *Sivan H.* Ausonius of Bordeaux. Genesis of a Gallic aristocracy. London and New York, 1993. 242 p.

²⁴ *The Works of Ausonius / Ed. by R.P.H. Green.* Oxford, 1991. 780 p.

²⁵ *Гаспаров М.Л.* Авсоний и его время // Авсоний. Стихотворения / Отв. ред. С.С. Аверинцев. М., 1993. 356 с.

²⁶ Например, *Ausonius & Paulinus of Nola, Ausone et Paulin de Nole: Correspondance*, tr. Introduction, Latin text, French translation & notes / Ed. *D. Amherdt.* Bern, 2004. 247 p.

²⁷ *Dudden F.H.* The Life and Times of St. Ambrose. Oxford, 1935. 755 p.; *Paredi A.* Saint Ambrose: His Life and Times, Notre Dame / Transl. *J. Costelloe.* University of Notre Dame Press, 1964. 481 p.

²⁸ *McLynn N.B.* Ambrose of Milan: Church and Court in a Christian Capital. Berkeley, Los Angeles, London, 1994. 436 p.; *Казаков М.М.* Епископ и Империя: Амвросий Медиоланский и Римская Империя в IV в. Смоленск, 1995. 336 с.

²⁹ *Liebeschuetz J.H.W.G.* Ambrose of Milan: Political Letters and Speeches. Liverpool, 2010. 432 p.; *Letters of Ambrose of Milan (374–397), Books I–IX // Collecting Early Christian Letters. From the Apostle Paul to Late Antiquity / Ed. by B. Neil and A. Pauline.* Cambridge, 2015. P. 97-112.

³⁰ *Andresen C.* Bibliographia Augustiniana, 2 Aufl. Darmstadt, 1973. 317 S.; *Miethe T.L.* Augustinian Bibliography, 1970–1980. Westport-L., 1982. 218 p.; *Augustine Through the Ages: An Encyclopedia / A. Fitzgerald, J.C. Cavadini (eds.).* Cambridge, 1999. 902 p.

³¹ *Августин: pro et contra / Сост.: П. Светлов, В. Селиверстов.* СПб., 2002. 976 с.

³² *Starnes C.* Augustine's Conversion: A Guide to the Arguments of Confessions I–IX. Waterloo, Ontario, 1990. 303 p.

³³ *Wachtel A.* Beiträge zur Geschichtstheologie des Aurelius Augustinus. Bonn, 1960. 158 S.; *Deane H.A.* The Political and Social Ideas of St. Augustine. New York, 1963. 356 p.; *Markus R.* Saeculum: history and society in the theology of St. Augustine. Cambridge, 1970. 284 p.; *Schmidt E.A.* Zeit und Geschichte bei Augustinus. Hdlb., 1985. 116 S.

вили своей целью – воссоздать биографию Августина, в том числе и по его посланиям³⁴.

Иероним Стридонский – автор канонического латинского текста Библии (*Vulgata*), значительная среди Отцов Церкви фигура, очень неоднозначно воспринимаемая его современниками: отношение к нему варьировалось от резкого неприятия до глубокого уважения. Один из современных историографов Иеронима, Э. Кейн, полагает, что реальный и канонический образ Иеронима различались настолько, что восприятие этого христианского писателя последующими поколениями не может быть адекватным, т.к. базируется на том имидже, который Иероним сознательно культивировал на страницах своих посланий³⁵. Такая радикальная позиция, на наш взгляд, нуждается в некоторой корректировке: самопрезентация автора через его коллекцию писем была одной из важнейших задач каждого эпистолографа, и Иероним в ряду других не является исключением, но постулировать широкий разрыв между фигурой Иеронима и его эпистолярным образом, не следует, т.к. образ, все же, базировался на его реальных взглядах и поступках. В целом, исследователи интересуются как биографией Иеронима, наряду с его эпистолярием³⁶, так и его богословскими взглядами³⁷.

Павлин Ноланский в изображении его историографов являет собой образец христианских добродетелей, зачинателя христианской поэзии. Поскольку его талант в полной мере проявился в его поэтических произведениях, некоторые ученые сосредоточили свое внимание именно на них³⁸. Другая группа в большей степени представлена историками, нежели филологами. Здесь предметом изучения выступает биография Павлина, его духовный путь, динамика взглядов в контексте истории IV-V вв.³⁹ Традиционно считается, что Павлин пережил кризис идентич-

³⁴ *Brown P.* Augustine of Hippo: A Biography. Berkeley, 1969. 463 p.; *Trapè A.* Sant'Agostino uomo e maestro di preghiera: testi scelti. Città Nuova, 1995. 319 p.; *Matthews G.B.* Augustine. Oxford, 2005. 159 p.; *O'Donnell J.* Augustine: A New Biography. New York, 2005. 399 p.; *Chadwick H.* Augustine of Hippo: A Life. Oxford, 2010. 177 p.; *Leinenweber J.* Letters of Saint Augustine: The Words of the Most Celebrated Theologian of the Latin Church / Ed. by *H. Fleming*. Chicago, 1992. 255 p.; *The Letters of St. Augustine: Annotated Edition including more than 1500 Notes / J.G. Cunningham* (transl.) Altenmünster, 2015. 504 p.

³⁵ *Cain A.* The Letters of Jerome. Asceticism, Biblical Exegesis, and the Construction of Christian Authority in Late Antiquity. Oxford, 2009. 286 p.

³⁶ *Hritzu J.* The Style of the Letters of St. Jerome. Washington, DC, 1939. 121 p.; *Jerome: The Principal Works of St. Jerome // Nicene and Post-Nicene Fathers. Series II. Vol. VI / Ed. Ph. Schaff*, transl. *M.A. Freemantle*. Michigan, 1892. 502 p.; *Kelly J.N.D.* Jerome. His Life, Writings, and Controversies. London, 1975. 354 p.; *Rebenich S.* Jerome. London and New York, 2002. 211 p.

³⁷ *Adkin N.* Jerome on Virginitiy. A Commentary on the Libellus de Virginitate Servanda (Letter 22). Cambridge, 2003. 458 p.; *Fürst A.* Hieronymus: Askese und Wissenschaft in der Spätantike. Freiburg, 2003. 335 S.

³⁸ *Green R.P.H.* The Poetry of Paulinus of Nola. A Study of his Latinity. Bruxelles, 1971. 146 p.; *Kohlwes K.* Christliche Dichtung und stilistische Form bei Paulinus von Nola. Bonn, 1979. 279 p.; *Paulinus Nolanus, Carmina / Ed. F. Dolveck*. Turnhout, 2015. 748 p.

³⁹ *Петровский Ф.А.* Павлин Ноланский // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков / Отв. ред. *С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров*. М., 1998. С. 220-232; *Trout D.E.* Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems. Berkeley, 1999. 122 p.; *Conybeare C.* Paulinus Noster Self and Symbols in the Letters of Paulinus of Nola. Oxford, 2000. 200 p.; *Mratschek S.* Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen

ности, сопровождавшийся резким отказом от классического мировоззрения и формированием христианской картины мира. Однако, разделяя точку зрения британского историка Церкви У. Фрэнда, мы полагаем, что это был плавный постепенный переход к новому мирозерцанию⁴⁰.

Епископ Регия (совр. Ръез) Фавст – совсем непопулярная личность среди историков. Вероятно, это объясняется тем, что труды Фавста преимущественно богословского характера, поэтому он интересен, прежде всего, теологам или историкам Церкви, т.к. его коллекция из 12 писем содержит, по большей части, рассуждения теологического или канонического характера. Трактовка Фавстом предопределения, его взгляды на арианство и пелагианство рассматриваются в трудах Т. Смита⁴¹, М. Перейры⁴², М. Колиш⁴³. Из историков можно назвать Р. Матизена, который обратил внимание на личность Фавста среди прочих представителей галло-римской христианской элиты V-VI вв.⁴⁴, Г. Вигеля, посвятившего свою работу исключительно Фавсту⁴⁵, а также Р. Барселлону, исследующую имперский кризис через призму жизни и деятельности Фавста⁴⁶. В отечественной историографии до сих пор появилась только одна работа, посвященная жизненному пути и творчеству епископа Регийского⁴⁷, в которой рельефно обозначена роль Фавста как духовного учителя, распространению влияния которого способствовала эпистолярная сеть, связывавшая представителей интеллектуальной элиты западноримского мира.

Личность галло-римского аристократа и епископа V в. *Сидония Аполлинария* была и остается притягательной для исследователей самых разных направлений на протяжении почти двух столетий в силу неоднозначности его натуры, соединившей традиционные черты позднеимперского нобилия и христианского пастыря. Все труды о Сидонии систематизированы в новейшем «Эдинбургском путеводителе

Intellektuellen. Göttingen, 2002. 732 S.; etc.

⁴⁰ *Frend W.H.C.* Paulinus of Nola and the Last Century of the Western Empire // *JRS*. 1969. 59(1/2). P. 4.; *Литовченко Е.В.* К вопросу о позднеантичной эпистолографии: Павлин Нола-ский и его адресаты // *Византийский временник*. 2019. Т. 103. С. 70–84; и др.

⁴¹ *Smith Th.A.* De Gratia: Faustus of Riez's Treatise on Grace and Its Place in the History of Theology. Notre Dame, Indiana, 1990. 254 p.

⁴² *Pereira M.J.* Augustine, Pelagius, and the Southern Gallic Tradition: Faustus of Riez's De gratia Dei // *Grace for Grace: The Debates After Augustine and Pelagius / A.Y. Hwang, B. Matz, A. Casiday* (eds.). Washington, 2014. P. 180-207.

⁴³ *Colish M.L.* The Stoic Tradition from Antiquity to the Early Middle Ages: Stoicism in Christian Latin thought through the Sixth century. Studies in the History of Christian Thought. Vol. 2. Leiden, New York, 1990. 342 p.

⁴⁴ *Ruricius of Limoges and friends: a collection of letters from Visigothic Gaul; letters of Ruricius of Limoges, Caesarius of Arles, Euphrasius of Clermont, Faustus of Riez, Graecus of Marseille, Paulinus of Bordeaux, Sedatus of Nîmes, Sidonius Apollinaris, Taurentius and Victorinus of Fréjus / Transl. by R.W. Mathisen.* Liverpool, 1999. 289 p.

⁴⁵ *Weigel G.* Faustus of Riez: An historical introduction. Glenrothes, 1938. 176 p.

⁴⁶ *Barcellona R.* Fausto di Riez interprete del suo tempo un vescovo tardoantico dentro la crisi dell'impero. Soveria Mannelli, Rubbettino, 2006. 175 p.

⁴⁷ *Литовченко Е.В., Парфёнов В.Н.* Фавст Регийский – «святитель недостойною лирой воспетый» // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология*. 2018. 45(4). С. 638-645.

по Сидонию Аполлинарию»⁴⁸. Среди зарубежных историографов Сидония отметим К.Е. Стивенса, который не уделял должного внимания динамике личности этого позднеантичного автора, считая, что он сохранял в неизменности свое аристократическое мировоззрение, и даже пост епископа не смог поколебать его классические установки⁴⁹. Современные зарубежные исследователи стараются дать комплексную оценку позиции и деятельности Сидония, учитывая, по возможности, все факторы, влияющие на идентичность личности в переходный период. Дж. Харрис помещает Сидония в контекст центрального события эпохи – падения Рима⁵⁰, Ф. Кауфманн⁵¹, Й. ван Ваарден и Г. Келли⁵² дают всесторонний анализ личности и деятельности Сидония, а С. Кондорелли⁵³ и М. Хэнэган⁵⁴ исследуют его творчество, при этом, последний делает акцент на личном вкладе Сидония в латинскую литературу.

Среди отечественных исследований, посвященных Сидонию Аполлинарию, необходимо выделить из общего ряда, прежде всего, работы его дореволюционных историографов – С.В. Ешевского⁵⁵ и Л.П. Карсавина⁵⁶, с позицией которых, в целом, коррелируют взгляды К. Стивенса, оформившиеся, тем не менее, значительно позже. Переводами и комментариями поэзии и посланий Сидония занимались филологи-классики С. Ошеров и Ф. Петровский⁵⁷. Отечественными историками, осуществлявшими переводы и анализ сочинений Сидония, были О. Мамина⁵⁸, Н. Трухина⁵⁹, Д. Буяров⁶⁰, Э. Манукян⁶¹ и др. В 2000-е гг. взгляды на лич-

⁴⁸ The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris / Ed. by G. Kelly, J. van Waarden. Edinburgh, 2020. 838 p.

⁴⁹ Stevens C.E. Sidonius Apollinaris and his age. Oxford, 1933. 224 p.

⁵⁰ Harries J. Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome, A.D. 407-485. Oxford, 1994. 292 p.

⁵¹ Kaufmann F.M. Studien Zu Sidonius Apollinaris. Frankfurt am Main, 1995. 398 S.

⁵² New Approaches to Sidonius Apollinaris. C. Sollius Apollinaris Sidonius: Briefe Buch I / Ed. by J.A. van Waarden and G. Kelly. Leuven, 2013. 397 p.

⁵³ Condorelli S. Il poeta doctus nel V secolo d. C. Aspetti della poetica di Sidonio Apollinare. Naples, 2008. 288 p.

⁵⁴ Hanaghan M.P. Reading Sidonius' Epistles. Cambridge, 2019. 256 p.

⁵⁵ Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Gallii V века // Соч. Т. 3. М., 1870. 342 с.

⁵⁶ Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи (политические взгляды Аполлинария Сидония). СПб., 1908. 48 с.

⁵⁷ Ошеров С., Петровский Ф. Аполлинарий Сидоний // Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат.; сост. и вступ. статья М. Гаспарова. М., 1982. С. 543-571; Петровский Ф.А. Сидоний Аполлинарий // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М., 1970. С. 88–101; Петровский Ф. Сидоний Аполлинарий // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М., 1998. С. 292-307.

⁵⁸ Мамина О.Н. Идеология и социальная психология галло-римского нобилитета V в. н.э.: мировоззрение Сидония Аполлинария / Дисс. канд. ист. наук. Свердловск, 1989. 250 с.

⁵⁹ Христианская церковь поздней империи / Пер. с лат. Н.Н. Трухиной // История Древнего Рима. Тексты и документы. В 2 ч. Ч. 1. Общество. Государство. Религия / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2004. С. 392-401.

⁶⁰ Буяров Д.В. Мировоззрение и сочинения Сидония Аполлинария в контексте позднеантичной культуры. Дисс. канд. филос. наук. Благовещенск, 2009. 184 с., и др.

⁶¹ Манукян Э.М. Episcopus bonus: эпистолярная репрезентация образа у Сидония Аполлинария // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. 2015. №34. С. 58-

ность этого латинского автора претерпели эволюцию от однозначного восприятия его как галло-римского аристократа, а его письменного наследия как вместилища пассивно-эkleктического сочетания языческих и христианских элементов, до трактовки его мировоззрения как «синтезного», в котором органично сочетались светские и христианские ценности.

Рурицию Лиможскому, посвящено небольшое количество трудов, в силу того, что он обращает досадно малое внимание на исторические события, однако его письма – ценный источник, позволяющий реконструировать духовную атмосферу общества того времени, пролить свет на родственные связи в аристократической среде кон. V – нач. VI вв. и получить некоторые сведения о церковной организации Галлии⁶².

Схожая ситуация сложилась в историографии и относительно личности и творчества *Авита Вьеннского*, при этом, лейтмотивом всех существующих работ⁶³ является акцент исследователей на «качестве» его латыни, абсолютизации риторических приемов, благодаря чему тексты Авита несопоставимы с изяществом слога Сидония, а также сложны для восприятия.

Фигура *Цезария, епископа Арелата (Арля)*, привлекает исследователей, прежде всего, возможностью на материале его проповедей и писем реконструировать как христианское мировоззрение того времени, так и повседневную жизнь христианской общины⁶⁴, дополнить историю галльской церкви⁶⁵ и определить специфику богословских дискуссий V-VI вв.⁶⁶ Общей позиции относительно эпистолярного корпуса Цезария не сложилось, поскольку сохранилось всего 24 пись-

64, и др.

⁶² *Settipani Ch.* Ruricius, premier évêque de Limoges et ses alliances familiales // *Francia*. 1991. No18. P. 195-222; Ruricius of Limoges and Friends. A Collection of Letters from Visigothic Gaul / *R.W. Mathisen* (ed.). Liverpool, 1999. 272 p.; Ruricio di Limoges: Lettere / *M. Neri* (ed.). Pisa, 2009. 416 p.; *Литовченко Е.В.* Письма Руриция Лиможского к Цезарию Арелатскому (506 год) II.33 и II.36 (вступ. ст., пер. и комм.) // *Известия Смоленского государственного университета*. 2018. № 1(41). С. 136-147.

⁶³ *Avitus of Vienne. Letters and Selected Prose* / Transl. and comm. by *D. Shanzer, I. Wood*. Liverpool, 2002. 464 p.; *Болгов Н.Н., Литовченко Е.В.* Позднеантичный латинский поэт Авит // *Классическая и византийская традиция*. 2009. Белгород, 2009. С. 136-138; *Gioanni S.* Communication et preciosite. Le sermo epistolaire de Sidoine Apollinaire a Avit de Vienne. Roma, 2004. P. 515-544; *Шулина С.В.* Авит Вьеннский как позднеантичный эпистограф // *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология*. 2017. №1(250). Вып.41. С. 31-36.

⁶⁴ *Malnory A.* Saint Césaire, évêque d'Arles: 503-543. Paris, 1894. 316 p.; *Chaillan M.* Saint Césaire. Paris, 1912. 237 p.; *DelCogliano M.* Caesarius of Arles: On Living in Community // *Cistercian Studies Quarterly*. 2006. 41(1). P. 17-30; *Омельченко Д.М.* Пастырская деятельность Цезария Арелатского в политике церкви и повседневной жизни Прованса: первая треть VI в. Дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 357 с.; *Пояркова М.К.* Брак и семья по проповеди Цезария Арелатского // *Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы*. М., 1988. С. 61-74.

⁶⁵ *Arnold C.F.* Caesarius von Arlate und die gallische Kirche seiner Zeit. Leipzig, 1972. 608 S. (Repr. Leipzig, 1894).

⁶⁶ *Lejay P.* Le role theologique de Césaire d'Arles: étude sur l'histoire du dogme chrétien en Occident au temps des royaumes barbares. Paris, 1906. 206 p.; *Mathisen R.W.* Caesarius of Arles, Prevenient Grace, and the Second Council of Orange // *Grace for Grace: The Debates after Augustine and Pelagius* / Ed. *A.Y. Hwang, B. Matz, A. Casiday*. Washington, 2014. P. 208-234.

ма, которые редко становились предметом специального исследования, хотя У. Клингширн, все же, предлагает считать их коллекцией⁶⁷.

Магн Феликс Эннодий, по сравнению с тремя предыдущими галльскими авторами, гораздо более популярный персонаж в историографии, как в силу богатства его литературного наследия, так и в силу места, занимаемого им в позднеантичной дидактической традиции. В глазах исследователей Эннодий являет собой образец человека переходной эпохи, сочетавшего черты как античного мировоззрения, так и элементы средневекового христианского сознания. В отечественной науке признанными специалистами в области «эннодиевых штудий» считаются П.П. Шкаренков⁶⁸ и В.М. Тюленев⁶⁹, которые акцентируют внимание либо на отдельных сочинениях Эннодия, либо на его риторической традиции в целом. Письма этого автора также становились предметом исследований⁷⁰, однако, мы предлагаем рассматривать его коллекцию писем в общем контексте динамики эпистолярной традиции поздней античности с ее континуальными и дисконтинуальными нюансами.

Интересом к фигуре *Флавия Кассиодора* отмечена как отечественная, так и зарубежная историография. В отечественной науке серьезный вклад в изучение личности и творчества Кассиодора сделан В.И. Уколовой⁷¹ и П.П. Шкаренковым⁷², которые конструируют образ Кассиодора как «последнего римлянина», выполняющего важную культурную миссию по передаче духовного наследия античности формирующейся средневековой культуре.

⁶⁷ Caesarius of Arles: Life, Testament, Letters. Translated Texts for Historians, vol. 19 / W.E. Klingshirn (trans.). Liverpool, 1994. 155 p.

⁶⁸ Шкаренков П.П. Панегирик Теодориху Эннодия: литературная традиция в контексте истории // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. 11(54). С. 69-89; «Vita Eriphani» Эннодия: риторический дискурс и формирование символического образа власти в остготской Италии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. №12. С. 81-113.

⁶⁹ Тюленев В.М. Эннодий – панегирист Теодориха Великого // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 3. Иваново, 2010. С. 135-144; Речи Эннодия: школьная традиция и христианство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 57–62; Эннодий и Померий: к истории одного письма // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 3. «Филология. История. Философия». Иваново, 2013. С. 69–76; и др.

⁷⁰ *Gioanni S. Ennode de Pavie, Lettres*, 1–2, édition, traduction et commentaire. Paris, 2006–2010. 282, 149 p.; *Kennell S.A. Magnus Felix Ennodius. Recentiores: Later Latin Texts & Contexts*. Ann Arbor, 2001. 247 p.; *Marconi G. Ennodio e la nobiltà Gallo-Romana nell'Italia Ostrogota*. Spoleto, 2013. 206 p.

⁷¹ Уколова В.И. Становление нового типа организации культурной жизни. Кассиодор // Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). М., 1989. С. 73-144.

⁷² Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. 270 с. *Id.* «Variae» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Диалог со временем. 2000. №2. С. 95-109; *Id.* Translatio imperii: Флавий Кассиодор и римская традиция в остготской Италии // Новый исторический вестник. 2005. № 2(13). С. 5-22 и др. Из отечественных исследований также см. *Грабарь-Пассек М.Е.* Кассиодор // Памятники средневековой латинской литературы IV – VII веков / Отв. ред. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров. М., 1998. С. 357-366.

Европейская историческая школа в 40-е гг. XX в. представила несколько работ, в которых рассматриваются Varii⁷³. Через несколько лет известный итальянский историк А. Момильяно опубликовал труды, посвященные Кассиодору как типичному деятелю итальянской культуры VI в.⁷⁴ Из маститых авторов современного поколения нужно выделить, безусловно, А. Джиардина, предметом исследования которого явилась политическая сторона деятельности Кассиодора⁷⁵. Стоит упомянуть и весьма неоднозначную работу Дж. О'Доннела⁷⁶, претендовавшую на роль фундаментального жизнеописания, но вызвавшую резкую критику со стороны авторитетных историков⁷⁷. Возрождение интереса к жизни и трудам Кассиодора отражено в последние годы в сочинениях А. Перголи Кампанелли⁷⁸, Т. Фёгена⁷⁹ и Ш. Бьорнли⁸⁰.

Безусловно, заслуживают внимания и работы, посвященные римской системе риторического образования, латыни, классической литературе, анализирующие фундаментальные аспекты, легшие в основу формирования эпистолографии в целом и позднеантичной ее вариации, в частности. Это работы зарубежных⁸¹ и отечественных авторов⁸², к которым мы обращались, преимущественно, анализируя проблемы, вынесенные в первую главу.

Таким образом, очевидно, что назрела необходимость анализа, обобщения и систематизации данных о специфике и роли позднеантичной эпистолографии в культурно-исторической традиции переходного периода. Одна из наших важнейших задач состоит в том, чтобы реконструировать на основе посланий модель по-

⁷³ Jones L.W. The influence of Cassiodorus on Medieval Culture // *Speculum*. 1945. Vol. 20. P. 433–442; Besselaar J.J. van den. Cassiodorus Senator en zijn Variaie: de hoveling, de diplomatieke oorkonden der Variaie, de rhetor. Nijmegen, 1945. 230 p.; Courcelle P.P. Les lettres grecques en Occident, de Macrobe a Cassiodore. Paris, 1948. 440 c.

⁷⁴ Momigliano A. Cassiodorus and Italian Culture of his Time. Oxford, 1955. 245 p. *Id.* Cassiodoro // *Dizionario biografico degli italiani*. Vol. 21. Roma, Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 1978; *Id.* Cassiodoro // *Sesto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico*. Vol. II. Roma, Edizioni di Storia e Letteratura, 1980.

⁷⁵ Giardina A. Cassiodoro politico. Roma, 2006. 176 p.

⁷⁶ O'Donnell J.J. Cassiodorus. Berkeley, Los Angeles, London, 1979. 303 p.

⁷⁷ Cameron Av. Cassiodorus Deflated. Cassiodorus by James J. O'Donnell. Review // *JRS*. 1981. Vol. 71. Pp. 183–186; Уколова В.И. Дж. О'Доннел. Кассиодор. Изд-во Калифорнийского университета, 1979 // *Средние века*. 1983. Вып. 46. С. 362–365.

⁷⁸ Pergoli Campanelli A. Cassiodoro alle origini dell'idea di restauro. Milano, 2013. 208 p.

⁷⁹ Fögen Th. Cassiodorus on the Role of Language and Culture in Divine and Secular Learning // *Antike und Abendland*. 2016. Bd. 62(1). S. 86–113.

⁸⁰ Bjornlie Sh. The Letter Collection of Cassiodorus // *Late Antique Letter Collection. A Critical Introduction and Reference Guide...* P. 433–448.

⁸¹ Haarhoff T. Schools of Gaul: A Study of Pagan and Christian Education in the Last Century of the Western Empire. Johannesburg, 1958. 298 p.; Kennedy G.A. A new History of Classical Rhetoric. Princeton, 1994. 336 p.; Leonhardt J. Latin. Story of a World Language / Transl. by K. Kronenberg. Cambridge, 2013. 332 p.; Marrou H.I. Histoire de l'education dans l'antiquite. Paris, 1972. 468 p.; Riché P. Education and Culture in the Barbarian West: Sixth Through Eighth Centuries. Columbia, 1976. 557 p. et al.

⁸² Перфилова Т.Б. Высшее образование в Римской империи: культурологический аспект. Дисс. д.и.н. Ярославль, 2004. 783 с.; Тюленев В.М. Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия в V – первой половине VI в.). Иваново, 2019. 236 с. и др.

вседневной жизни эпохи, нарисовать коллективный портрет позднеантичной интеллектуальной элиты, сместить сложившийся в мировой науке исследовательский акцент с филологического на исторический, показать синтез, а не резкий контраст, между античностью и средневековьем.

Цель исследования – выявить и обосновать специфику проявления континуальных и медиевальных черт позднеантичной культуры в латинских эпистолярных коллекциях IV-VI вв.

Поставленная цель определяет следующие **задачи исследования**:

1. Проанализировать роль позднеантичных эпистоляриев как литературных произведений и исторических источников.

2. Выявить и обосновать причины расцвета эпистолярного жанра в период поздней античности.

3. Определить назначение и специфику «позднеантичной риторической модели» как фундаментальной основы эпистолографии в сравнении с «классической риторической моделью».

4. Охарактеризовать композиционные особенности писем и выявить их типичные черты, присущие любому образцу позднеантичных эпистолярных коллекций.

5. В контексте дискурсивного анализа произвести сравнительно-исторический обзор изучаемых коллекций с коллекциями предшествующего периода (Цицерона, Сенеки, Плиния Мл.).

6. Дифференцировать медиевальные и континуальные признаки позднеантичной культуры и выявить соотношение античного и медиевального в ментальности интеллектуальной элиты позднеантичного общества.

7. Определить содержание категорий «позднеантичная аристократия» и «позднеантичная интеллектуальная элита» в контексте исторического знания.

8. Рассмотреть специфику конструирования коллекций писем «последних римлян», базирующихся на языческом мировосприятии (Симмах, Авсоний).

9. Обосновать «медиевально-континуальный» или «синтезный» тип позднеантичных коллекций писем (Сидоний Аполлинарий, Руриций Лиможский, Авит Вьеннский, Эннодий Павийский, Флавий Кассиодор).

10. Изучить основные факторы «кризиса идентичности» для некоторых позднеантичных авторов и доказать «эволюционный» характер динамики их взглядов.

11. Проанализировать сущностные признаки феномена социокультурной модернизации, присущей некоторым представителям позднеантичной интеллектуальной элиты (Сидоний Аполлинарий, Руриций Лиможский).

12. Выявить особенности христианской эпистолографии IV-VI вв. (Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Августин Гиппонский, Павлин Ноланский, Фавст Риезский, Цезарий Арелатский).

Объектом исследования являются памятники позднеантичной эпистолографии IV – VI вв. – коллекции писем Симмаха, Сидония Аполлинария, Августина Гиппонского, Павлина Ноланского, Кассиодора и др.

Предмет исследования – отражение процессов медиевализации и культурного континуитета в позднеантичных коллекциях писем.

Хронологические рамки: IV–VI вв. связаны, прежде всего, с необычайным

расцветом эпистолярного жанра, и обусловлены совокупностью факторов: политико-административным; религиозным (христианским); культурно-языковым; биографическим.

В политико-административном плане нижняя граница исследования связывается с установлением домината (в период правления Диоклетиана (284—305 гг.) и его преемников). При этом расширяется административный аппарат, базирующийся на бюрократических началах, что является одной из основных причин резкого возрастания эпистолярной активности: позднеантичные аристократы, подвизаясь на имперской службе, использовали корреспонденцию как способ установления и поддержания многочисленных общественных связей. Приход варваров изменил расстановку сил, но в целом также усилил стремление к письмописанию, однако причины теперь были связаны с желанием поддерживать латынь и образованность, рафинированную классическую культуру в целом, в пику варварству. Кроме того, корреспонденция усиливала чувство единения представителей римского нобилитета в «варварском море».

Религиозный фактор обусловлен официальным признанием христианства (Миланский эдикт 313 г.) и его активным распространением на римских и впоследствии варварских территориях. Этот факт не только инициировал процесс смены религиозной парадигмы, но и повлек за собой появление в IV в. слоя высокообразованных и политически опытных христианских епископов, подобных Амвросию Медиоланскому, деятельность которых способствовала собиранию христианских эпистолярных коллекций. Представители клира использовали письма для утверждения и распространения, христианских духовных ценностей. Кроме того, епископы стремились подчеркнуть близкие отношения с известными интеллектуалами, демонстрируя, тем самым, и собственный статус.

Культурно-языковое поле характеризуется, прежде всего, ситуацией с латинской речью, которая меняется от начала периода к его окончанию. После формирования на землях бывшей Западной Римской империи варварских королевств, речь идет о сохранении латыни до середины VI в. как живого языка позднеимперской цивилизации на постимперской территории. Функционирование риторических школ, активное бытование латинского языка (особенно литературного), приводило к массовому распространению эпистолярной практики, и обеспечивало, тем самым, связь поколений.

Биографический фактор связан с периодами жизни избранных авторов письменных коллекций, на основании содержания которых мы можем аргументировать наши тезисы. Самые ранние авторы коллекций – Авсоний (ок. 310 — ок. 395) и Симмах (ок. 345—402), а наиболее поздний – Кассиодор (ок. 485 — ок. 585 гг.).

Географические рамки исследования включают западные территории Римской империи (*Италия, Галлия, Испания, Сев. Африка, частично Британия*), и эти же земли после установления власти варваров. Хотя большинство рассматриваемых авторов проживали на территории Галлии, они имели обширные связи: многие их адресаты представляли другие западные провинции Рима, да и ключевые фигуры нашего исследования совершали поездки в эти земли, имели в них родственников и т.п. Мы сосредоточили свое внимание на однородном латинском сегменте с целью получения целостной, внутренне единой, картины ментальной

динамики, отраженной в письмах.

Научная новизна диссертационного исследования определяется характером и спецификой темы работы. В ходе решения поставленных задач в диссертации впервые в отечественной науке:

1. Обоснован термин «коллекция писем» в контексте исторического знания.
2. Определены медиевальные и континуальные признаки позднеантичной культуры и их соотношение в менталитете отдельных авторов и позднеантичной элиты в целом на эпистолярном материале.
3. Определен феномен социокультурной модернизации применительно к некоторым позднеантичным авторам, основанием которой является разумный баланс между происходящими в обществе изменениями и сохранением культурных традиций, способствующий сохранению идентичности в переходные периоды.
4. Выявлены две основные тенденции формирования сообщества единомышленников в среде интеллектуалов – сохранение Romanitas и образование Christianitas – выражающие континуальную и медиевальную специфику эпистолографии поздней античности.
5. В качестве одной из существенных характеристик позднеантичного письма предложено специфическое соотношение его внутреннего содержания и формы, обуславливающее уникальное сочетание публичности и приватности, искусственности и искренности, и порождавшее «эффект сопричастности».
6. Осуществлен комплексный анализ избранных коллекций писем позднеантичной эпохи.
7. Дана авторская классификация позднеантичных письменных коллекций на основе парадигматического принципа.
8. Исследована роль коллекций писем как основной формы отражения действительности и средства для сохранения связи поколений в источниках личного характера.
9. Выявлены основные функции позднеантичных писем – эстетическая, информационная, эмоциональная, образовательная, коммуникационная, мемориальная.
10. Определено понятие «ментальной инверсии» для области исторического знания и пересмотрена тенденция к резкой смене религиозной парадигмы для некоторых авторов.
11. Впервые (в отечественной исторической науке) проанализированы биографии и эпистолографическое наследие ряда позднеантичных авторов (Павлин Ноланский, Руриций Лиможский, Фавст Регийский, Авит Вьеннский и др.), ранее почти не привлекавших внимания исследователей.
12. Дана авторская интерпретация ряду малоизученных или дискуссионных аспектов проблемы, в частности, значению эпистолярной практики для консервации элементов классической традиции в менталитете интеллектуалов латинского Запада и сохранения культурной связи поколений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Термином «коллекция писем» в контексте исторического знания обозначается всеобъемлющее эпистолярное собрание (корпус писем) конкретного автора, подвергшееся его личной или опосредованной редакции, определенным образом структурированное, подчиняющееся риторическим канонам и предназна-

ченное для публикации, прежде всего, с целью самопрезентации автора и его роли в элитарном сообществе поздней античности.

2. Коллекции писем как источники личного характера отличаются глубокой саморефлексией и крайне эмоциональной реакцией автора на происходящее, что позволяет реконструировать «живую» ткань позднеантичного бытия.

3. Эпистолярная традиция выступала одним из важнейших континуальных факторов, продолжая поддерживать систему общественных связей и сохраняя, тем самым, «полисный» дух античности в имперском и постимперском обществе, практически уже утратившем всякие полисные черты.

4. С одной стороны, эпистолография базируется исключительно на классическом риторическом каноне, и это определяет ее формальное выражение, с другой – прежние формы «обрамляют» новое идейное содержание, связанное, прежде всего, с неведомым доселе накалом религиозных чувств.

5. Позднеантичные письма аккумулировали в себе уникальное сочетание публичности и приватности, искусственности и искренности, порождавшее «эффект сопричастности», поскольку в процессе написания автор оформлял его внутреннее содержание («интерьер»), избирательно излагая свои мысли с целью представления собственного идеализированного портрета. Аудитория воспринимала одновременно ту конструкцию текста, которую предложил ему автор («экстерьер» послания), и эмоции, которые отправитель не смог скрыть.

6. Категория «интеллектуальная элита» в отношении авторов позднеантичных письменных коллекций определяется теми качественными признаками (высокое социальное положение и имущественный статус, принадлежность к политической верхушке общества, высокий образовательный уровень, занятия литературой как экзистенциальная потребность), которыми характеризуется особый микросоциум, выделяемый в социальном образовании любого исторического периода, не связанными с локально-территориальными или коммуникативными факторами.

7. Феномен социокультурной модернизации был присущ некоторым представителям позднеантичной интеллектуальной элиты (Сидоний Аполлинарий, Руриций Лиможский). Основанием социокультурной модернизации является разумный баланс между происходящими в обществе изменениями и консервацией культурных традиций, способствующий сохранению идентичности в переходные периоды. В ситуации утраты привычных жизненных ориентиров отдельным представителям позднеантичной интеллектуальной элиты удалось сохранить свою идентичность в качестве потомственных аристократов, политиков имперского масштаба и, одновременно, духовных пастырей в складывающемся христианском обществе. Одним из факторов, способствующих сохранению римской идентичности, был прием «визуализации прошлого».

8. Под приемом «визуализации прошлого» понимаются как риторическая технология, так и отсылки к примерам из римской истории, с помощью которых позднеантичные писатели сближали несовершенное настоящее с идеализированным прошлым.

9. «Ментальная инверсия» как научная категория применяется для обозначения «перефокусировки» человеческого сознания, при которой сформированное ранее субъективное мировосприятие меняется на противоположное. «Ментальная инверсия» была присуща многим из рассматриваемых нами авторов, однако, усто-

являющаяся в антиковедении традиция рассматривать этот феномен как «кризис идентичности» пересмотрена нами в отношении ряда авторов (Сидоний Аполлинарий, Павлин Ноланский, Августин Гиппонский) в пользу «эволюционной» динамики мировосприятия.

10. Медиевальные и континуальные признаки позднеантичной культуры и их соотношение в менталитете отдельных авторов и позднеантичной элиты в целом отражены в эпистолярном материале; в качестве медиевальных рассматриваются, прежде всего, всеобъемлющий характер христианской культуры и ее повсеместное распространение, и варвары как новый этно-культурный феномен на латинском Западе по сравнению с классической эпохой, данные явления обозначаются термином «медиевализация»; континуальные признаки включают в себя мифологический пласт сознания позднеантичного человека, «имперскую идею», отношение к варварам и систему средств трансляции ментальных основ элиты латинского Запада, в которую включены риторическое образование, лексика, отражавшая тенденции поздней латыни, литературная традиция.

11. Сочетание двух тенденций в стремлении представителей позднеантичной элиты конструировать сообщество единомышленников – сохранение Romanitas и формирование Christianitas – выражает континуальную и медиевальную специфику эпистолографии поздней античности.

12. В качестве основных выделенных нами типов позднеантичных письменных коллекций выступают: эпистолография «последних римлян» (Симмах, Авсоний), базирующаяся на языческих ментальных установках; «медиевально-континуальная» эпистолография (Сидоний Аполлинарий, Руриций Лиможский, Авит Вьеннский, Эннодий Павийский, Флавий Кассиодор), выражающая синтез между светским и религиозным; христианская эпистолография IV-VI вв. (Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Августин Гиппонский, Павлин Ноланский, Фавст Регийский, Цезарий Арелатский).

Источниковая база исследования. Круг источников нашего исследования весьма широк: стоит отметить, что только коллекций писем, относящихся к эпохе поздней античности, насчитывается порядка тридцати.

Поскольку одной из задач нашего исследования является классификация позднеантичных письменных коллекций, то следует начать с анализа существующих на сегодняшний день основных подходов. Прослеживается несколько принципов разделения корпусов писем:

1. Лингвоэтнический принцип, согласно которому письма делятся на две группы в зависимости от языка, на котором были созданы – *греческом* (Григорий Назианзин, Либаний, Эней и Прокопий Газские и др.) или *латинском* (Симмах, Авсоний, Павлин Ноланский, Августин Гиппонский, Иероним Стридонский, Амвросий Медиоланский, Сидоний Аполлинарий, Руриций Лиможский и др.).

2. Религиозный принцип положен в основу разделения коллекций на *языческие* (Симмах и коллекции предшествующего периода – Цицерона, Сенеки, Плиния Мл.) и *христианские* (Павлин Ноланский, Августин Гиппонский, Иероним Стридонский, Амвросий Медиоланский, Сидоний Аполлинарий, Руриций Лиможский, Авит Вьеннский и др.) При подобном разделении мы сознательно оставляем за рамками корреспонденцию Авсония, который, хотя и был христианином, оставил по большей части тексты совершенно языческого содержания, за редким ис-

ключением.

3. Хронологический принцип применяется в отношении коллекций на латинском языке, относящихся к разным периодам истории Древнего Рима, – *республиканский* (Цицерон), *имперский* (Сенека, Плиний Мл.) и *позднеимперский* (Авсоний, Симмах, Павлин Ноланский, Иероним Стридонский, Амвросий Медиоланский, Сидоний и др.). К ним примыкают те коллекции, которые появились на свет в период крушения Западной Римской империи или в течение столетия после него, условно относящиеся к раннесредневековым (или согласно зарубежной историографии к *постимперским*) (Цезарий Арелатский, Эннодий Павийский, Флавий Кассиодор и др.).

4. Территориальный (коллекции писем Италии IV–V вв., например, Симмаха, Иеронима, Амвросия, Галлии IV–VI вв. – Авсония, Сидония, Авита и др.).

5. Редакционный. Если ориентироваться непосредственно на категорию «коллекция» с его современными коннотациями, то собрания писем можно делить и по принципу редактур на две группы: отредактированные самим автором (например, Сидоний, Кассиодор) и другим лицом, как правило, уже после смерти эпистолографа (Симмах, Авит, Руриций, Эннодий и др.).

Принцип типологизации коллекций, предлагаемый нами, можно обозначить как *парадигматический*, т.е. основывающийся на совокупности взглядов и установок автора, включающей определенный набор шаблонов мышления, ценностей, стандартов и т.п. С этой точки зрения наши основные источники делятся на три группы: собрания писем «последних римлян» – Авсония⁸³ (ок. 310 — ок. 395) и Симмаха⁸⁴ (ок. 345—402), базирующиеся на языческих ментальных установках; «медиевально-континуальный» тип позднеантичных коллекций писем, объединивший таких авторов как Сидоний⁸⁵ (ок. 430 — ок. 486), Руриций⁸⁶ (ок. 440 — ок. 510), Авит⁸⁷ (ок. 450 — ок. 518), Эннодий⁸⁸ (ок. 473—521), Кассиодор⁸⁹ (ок. 485 — ок. 585), на основе синтеза между светским и религиозным в их сознании и трудах; христианская эпистолография IV–VI вв., включающая корреспонденцию Отцов Церкви – Амвросия Медиоланского⁹⁰ (ок. 340—397), Иеронима Стридонского⁹¹ (ок. 347—420), Августина Гиппонского (354—430)⁹², и епископов позднеим-

⁸³ *Decimi Magni Ausonii. Opuscula / Rec. R. Peiper. Lips., 1886.*

⁸⁴ *Symmachi Q.A. Quae supersunt / Rec. O. Seeck // MGH. T.6. Berlin, 1883.*

⁸⁵ *Sidonius Apollinaris. Epistolae et carmina // MGH. AA. Vol. 8 Sidonius, Faustus, Ruricius / Rec. C. Luetjohann, B. Krusch. Berlin, 1887.*

⁸⁶ *Ruricii Epistularum libri duo // Fausti Reiensis et Ruricii Opera. CSEL 21 / Rec. A. Engelbrecht. Lips. 1891.*

⁸⁷ *Alcimus Ecdicius Avitus Viennensis episcopo Opera quae supersunt / Rec. R. Peiper // MGH. AA. T. VI, pars. 2. Berlin, 1883.*

⁸⁸ *Ennodius Magnus Felix. Opera omnia / Ed. G. Hartell // CSEL. 5-6. Wien, 1882.*

⁸⁹ *Cassiodorus. Cassiodori Senatoris Variarum / Rec. Th. Mommsen. Berlin, 1894.*

⁹⁰ *St. Ambrosius // PL. Tt. 14-17. Sancti Ambrosii Opera, Pars X, Epistulae et Acta // CSEL 82/I (1968), 82/II (1990), 82/III (1982), 82/IV (1996) (4 vols.) / Rec. O. Faller, M. Zelzer. Vienna, 1968-1996.*

⁹¹ *Sophronius Eusebius Hieronymus. Hieronymi Opera omnia // MPL. Paris, 1846.*

⁹² *S. Aureli Augustini Hipponiensis Epistulae: Pars 1-5 // CSEL 34, 44. 57-58 / Rec. Al. Goldbacher. Prague, Vindobonae, Lipsiae, 1895-1923.*

перского и постимперского периодов – Павлина Ноланского⁹³ (ок. 354—431), Фавста Риезского⁹⁴ (между 405 и 410 — между 490 и 495), Цезария Арелатского⁹⁵ (ок. 470 — ок. 542), в содержании писем которых преобладали религиозные сюжеты. В силу того, что основная часть диссертации собственно и посвящена анализу эпистолярного наследия вышеупомянутых авторов, их развернутый источниковедческий анализ и характеристика как источников в данном разделе не делается.

Помимо позднеантичных эпистолярных сборников объект нашего исследования включает и коллекции писем предшествующих периодов, которые явились своего рода образцами для писателей последующих поколений, в частности, это корпуса писем Цицерона⁹⁶, Сенеки⁹⁷ и Плиния Младшего⁹⁸.

В целом, работая с такими специфическими источниками, как письма, необходимо с гораздо большей осторожностью подходить к ним, нежели к нормативным документам, или, к примеру, историческим сочинениям, хотя, очевидно, что определенная тенденциозность свойственна любому произведению конкретной эпохи, в силу того, что оно создается субъектом общественных отношений. Однако здесь должен учитываться такой фактор как стремление автора коллекции писем создать определенный образ, демонстрирующий те черты, которые воплощают его замысел и импонируют не только современной ему аудитории, но и, возможно, будут оценены по достоинству потомками.

Обращение к произведениям грамматиков и риториков носит периферийный характер, поскольку затрагивает довольно узкий сегмент предмета нашего исследования, связанный с художественно-стилистическими особенностями собраний писем, однако обойти их своим вниманием мы не имеем права, т.к. именно такого рода источники объясняют сформировавшуюся к IV в. специфику эпистолографии с ее риторической основой. Это, прежде всего, Квинтилиан (ок. 35 — ок. 100 гг.) с его «Наставлениями оратору»⁹⁹, а также Донат (ок. 320 — ок. 380)¹⁰⁰ и Присциан (V—VI вв.)¹⁰¹.

Отдельную группу источников составляют «программные» произведения,

⁹³ *Pontius Meropius Anicius Paulinus* episcopus Nolanus. Opera / Rec. W. Hartel // CSEL. 29, 30. Wien, 1894.

⁹⁴ *Fausti aliorumque epistulae ad Ruricium aliosque Ruricii epistulae* / Ed. Ch. Luetjohann, B. Krusch // MGH AA 8. Berlin, 1887.

⁹⁵ *Sancti Caesarii episcopi Arelatensis opera omnia*. Vol. I-II / Ed. G. Morin. Maredsous, 1937-1942.

⁹⁶ *Epistulae Marcus Tullius Cicero*. Epistulae ad Atticum. Letters to Atticus / E.O. Winstedt. London, 1912-1918; Epistulae ad Brutum. Epistulae ad Familiares. Epistulae ad Quintum Fratrem. London, 1927.

⁹⁷ *Lucius Annaeus Seneca minor*. Opera quae supersunt / Rec. Fr. Haase. V.1-2. Lips., 1898.

⁹⁸ *C. Plinii Caec. Sec. Epistolae et Panegyricus* / Rec. Ch. Cellarius. Lips., 1700.

⁹⁹ *Marcus Fabius Quintilianus*. Institutio Oratoria / Ed. K. Halm. Lips., 1868.

¹⁰⁰ *Aelius Donatus* // Corpus grammaticorum Latinorum veterum. Collegit, auxit, recensuit ac potiorum lectionis varietatem adiecit Fridericus Lindemannus. T. I. Donatum, Probum, Eutyichium, Arusianum Messium, Maximum Victorinum, Asperum, Phocam Continens. Lips., 1831. P. 5-36.

¹⁰¹ *Priscianus Caesariensis*. Prisciani grammatici Caesariensis Institutionum grammaticarum libri XVIII // Grammatici Lalini. Vol. II-III / Rec. H. Keil, M. Hertzil. Lips., 1855-1859.

на основе которых строилось обучение в риторических школах, это работы Цицерона, Вергилия (70—19 гг. до н.э.), Плавта (ок. 254—184 гг. до н.э.), Теренция (ок. 195/185 — ок. 159 гг. до н.э.), Горация (65—8 гг. до н.э.), Саллюстия (86 — ок. 35 гг. до н.э.) и Тита Ливия (64 или 59 г. до н.э. — 12 или 17 г. н.э.)¹⁰² (авторы выстроены не по хронологии, а по степени значимости для риторического образования). Прямые цитаты и аллюзии на сочинения данных литераторов в обилии содержатся в анализируемых нами эпистолярных коллекциях, что свидетельствует о живой античной традиции в трудах позднеимперского и постимперского времени.

Поддержание классической традиции происходило и в виде опоры на «непрограммные», но весьма популярные произведения такого крупнейшего поэта I в. до н.э. — I в. н.э. как Овидий (43 г. до н.э. — ок. 18 г. н.э.), лириков — Проперция (50 г. до н.э. — ок. 16 г. н.э.) и Тибулла (ок. 50 г. до н.э. — ок. 18 г. н.э.), «постклассических» эпиков — Лукана (39–65 гг.) и Стация (ок. 45 — ок. 96 гг.)¹⁰³. Многократные реминисценции известных мест сочинений данных авторов свойственны, в той или иной степени, всей позднеантичной эпистолографии.

Безусловно, объектом нашего внимания становились и исторические труды, как светские, так и церковные. Из историков предшествующего периода мы опирались на свидетельства Саллюстия, Тита Ливия, Тацита¹⁰⁴, из позднеантичных — Аврелия Виктора¹⁰⁵, Аммиана Марцеллина¹⁰⁶, Олимпиодора¹⁰⁷, Григория Турского¹⁰⁸, Прокопия Кесарийского¹⁰⁹. Сведения, сообщаемые историками, позволяют нам, как составить общую картину интересующих нас периодов истории Средиземноморского мира, так и пролить свет на некоторые факты биографии ключевых фигур нашего исследования.

Агиографические источники также помогли дополнить жизнеописание некоторых персоналий: Амвросия¹¹⁰, Августина¹¹¹, Цезария Арелатского¹¹² и др.

¹⁰² *M. Tullii Ciceronis Opera Omnia*. Vv. 1-5 / Rec. J.A. Ernesti. Oxonium, 1810; *P. Vergilii Opera* / Rec. A. Forbiger. Lips., 1846; *T. Macci Plauti Comoediae*. 7 voll / Rec. G. Goetz, F. Schoell. Lips., 1893-1896, 1909; *Publius Terentius Afer. Opera* / Ed. K. Leizmann. Munster, 1974; *Q. Horatii Flacci Opera* / Rec. O. Keller, A. Holder. 2 vol. Lips., 1864-1869; *C. Sallustii Crispi opera omnia*. Oxonium, 1849; *Titus Livius. Ab Urbe Condita libri* / Ed. W. Weissenborn, M. Müller. Lips., 1905-1906.

¹⁰³ *Publius Ovidius Nasō. Opera* 6 tt. / Ed. G. Showerman, G. Goold. Cambr., 1977-1989; *Sextus Propertius. Sexti Properti Elegiarum Libri IV* / Ed. P. Fedeli. Stuttgart, 1984; *Albius Tibullus. Tibulle et Corpus Tibullianum, Élégies* / Ed. et trad. M. Ponchont. Paris, 1924; *Marcus Annaeus Lucanus. Pharsalia sive de bello civili Caesaris et Pompeii libri X* / H. Grotius. Amstelodami, 1651; *Publius Papinius Statius* / Loeb Classical Library. Vol. I. Silvae. Thebaid (I-IV); Vol. II (1928). Thebaid (V-XII). Achilleid / J.H. Mozley. L.; N. Y., 1928.

¹⁰⁴ *Publius Cornelius Tacitus. Opera* / Ed. J. Delz. Stuttgart, 1983.

¹⁰⁵ *Sextus Aurelius Victor. Liber De Caesaribus* / Rec. F. Pichlmayer. Leipzig, 1961.

¹⁰⁶ *Ammianus Marcellinus. Res Gestae* / Ed. W. Seyfart. Leipzig, 1978.

¹⁰⁷ *Olympiodorus. Fragmenta, Historici Graeci minores, Vol I* / Rec. L. Dindorf. Lips., 1870.

¹⁰⁸ *Gregorius Turonensis. Opera omnia* / Rec. W. Arndt, B. Krush // MGH. SRM. Hannoverae, 1884-1885.

¹⁰⁹ *Procopii Caesariensis Opera Omnia V. 1-2* / Rec. J. Haury. Lips., 1905.

¹¹⁰ *Vita Sancti Ambrosii Mediolanensis Episcopi* [A Paulino Ejus Notario] *Documenta Catholica Omnia. De Ecclesiae Patribus Doctoribusque* / J.P. Migne. MPL014.

¹¹¹ *Sancti Augustini Vita Scripta a Possidio Episcopo*. Princeton; London, 1919.

¹¹² *Vita Caesarii Arelatensis. Episcopus Cyprianus Tolonensis et al.* / Ed. B. Krusch // MGH.

Епископы играют значительную роль в новой социально-политической структуре позднеантичного общества. Именно деятельность епископов становится центральной темой позднеантичных агиографических сочинений. В этот период формируется новая модель святости, объединяющая в себе личную аскезу и активную пастырскую церковную службу. Совершенно очевидно, что данный вид письменных источников весьма специфичен и требует особого критического подхода. Ценность информации, предоставляемой агиографами, различается в зависимости от периода составления, цели *Vitae* и источников, доступных на тот момент ее автору.

В целом необходимо констатировать широкую источниковую базу исследования, центральное место в которой занимают эпистолярные коллекции разной степени величины: от самой обширной – Симмаха (более 900 писем), до самой скромной – Фавста (12). Привлеченные нами тексты, безусловно, позволяют выявить соотношение континуальных и средневековых черт латинской культуры в IV-VI вв., обосновать специфику проявления данных элементов в каждом конкретном случае и, в конечном итоге, составить целостную картину бытия интеллектуальной элиты в переходный период.

Методология исследования. Исследование имеет комплексный, интегративный характер в силу того, что оно направлено как на рассмотрение социально-политической ситуации в Западно-Римском мире IV-VI вв., анализ динамических параметров картины мира человека позднеантичного общества, так и на изучение характера античного наследия в трудах позднеантичных авторов в сравнении с новым, протомедievalным (раннесредневековым) мирозерцанием.

В связи с этим, работа выдержана в рамках *цивилизационного подхода* (О. Шпенглер¹¹³, А. Тойнби¹¹⁴, К. Ясперс¹¹⁵ и др.), при котором цивилизации рассматриваются как уникальные этнические или исторические общественные образования, занимающие определенную территорию и имеющие свои особенности социально-экономического и культурного развития. При этом, большое внимание уделяется культурным и этнопсихологическим особенностям людей, их менталитету, который во многом детерминирован спецификой места обитания. Сильной стороной цивилизационного подхода является акцент на религии, культуре, менталитете народов, то есть, на духовно-нравственном и интеллектуальном факторах, имеющих большое значение для формирования целостной картины прошлого. Это дает возможность глубже понять исторические процессы, их особенности, способствует выявлению самоценности каждого общества, социальной группы, наконец, индивида и его места в мировой истории и культуре.

Большое значение мы придаем *концепции «Поздней античности»* (П. Браун¹¹⁶ и др.), согласно которой своеобразие этой эпохи заключается в культурном

Vol. 3. Hannover, 1896.

¹¹³ Шпенглер О. Закат Европы. В 2 тт. М., 1998.

¹¹⁴ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

¹¹⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

¹¹⁶ Brown P. The World of Late Antiquity. AD 150-750. London, 1971. 216 p.; *Id.* Late Antiquity. Cambridge, 1998. 96 p. etc. Также см. Cameron Av. The Mediterranean World in Late Antiquity AD 395-600. L.-N.Y., 1993. 446 p. etc.; Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. London, 1999. 780 p.; Interpreting Late Antiquity. Es-

континуитете между позднеантичной и раннесредневековой Европой, при этом двумя главными качественными характеристиками, как для любого переходного времени, выступают традиция и транзитивность, т.е. переходность при сложном взаимодействии различных факторов исторического процесса и элементов культуры.

Исследование предполагается осуществить также в русле:

– *микроисторического подхода* (Д. Леви¹¹⁷, К. Гинзбург¹¹⁸, Ж. Ревель¹¹⁹, В. Ульрих¹²⁰), акцентирующего внимание не на глобальных проблемах истории, но на альтернативах поведения и мотивах личного выбора отдельного индивида. Стратегии выживания в условиях социально-политической нестабильности, кризиса, являются предметным полем микроистории, что, безусловно, актуально для реконструкции образа жизни людей поздней античности;

– *«интеллектуальной истории»*, понимаемой, в целом, как «история идей». Мы придерживаемся более широкой трактовки исследовательского поля данного направления, предложенного американскими учеными, при которой интеллектуальная история охватывает не только историю политических идей, но и все многообразие форм интеллектуального производства (Э. Графтон)¹²¹;

– *эго-истории* как нового направления исторического знания, части интеллектуальной истории, конструирующей идентичность и базирующейся на эго-документах (мемуарах, дневниках, письмах), при этом эго-документ – это информационный ресурс, содержащийся в источниках личного происхождения, такой тип текста, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия¹²², а личная жизнь и опыт занимают центральное место;

– *исторической элитологии* (Э.Д. Фролов¹²³, Ю.С. Довженко¹²⁴ и др.), занимающейся проблемами, связанными с определением «элиты», ролью выдающихся личностей в общественной истории, историческим духовным наследием выдающихся деятелей в области политики, науки и культуры;

says on the Postclassical World / Ed. by G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, 2001. 336 p.; и др.

¹¹⁷ *Levi G.* L'eredità immateriale. Carriera di un esorcista nel Piemonte del seicento. Torino, 1985. 202 p.

¹¹⁸ *Ginzburg C.* Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del' 500. Torino, 1976. 188 p.

¹¹⁹ *Revel J.* Un parcours critique. Douze essais d'histoire sociale. Paris, 2006. 512 p.

¹²⁰ *Ulrich L.T.* Good Wives: Image and Reality in the Lives of Women in Northern New England, 1650-1750. New York, 1982. 296 p. *Id.* A Midwife's Tale: The Life of Martha Ballard, Based on Her Diary, 1785-1812. New York, 2010. 464 p.

¹²¹ *Grafton A.* Worlds Made by Words: Scholarship and Community in the Modern West. Cambridge, 2009. 422 p. etc.

¹²² *Троцкий Ю.Л.* Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 14.

¹²³ *Фролов Э.Д.* Греция в эпоху поздней классики: общество, личность, власть. СПб., 2001. 602 с.; *он же.* Аристократия в античном мире (изложение выступления) // Вестник СПбГУ. 2007. 2(4). С. 202-206.

¹²⁴ *Довженко Ю.С.* К уточнению смыслового поля понятия «интеллектуальная элита античного мира» // Интеллектуальная элита античного мира / Тезисы докладов научной конференции 8-9 ноября 1995 г. СПб., 1995; *он же.* История античного христианства как история сменяющихся типов господствующих элит // Античное общество: проблемы истории и культуры / Доклады научной конференции 9-11 марта 1995 г. СПб., 1995.

– *исторической психологии* (В. Вундт¹²⁵, Л. Леви-Брюль¹²⁶, А.Ф. Лосев¹²⁷, Р. Тарнас¹²⁸, В. Шкуратов¹²⁹, Е. Боброва¹³⁰) — направления, изучающего взаимосвязи психологических и исторических феноменов. С данным направлением, в частности, с работами Л. Леви-Брюля, связано распространение понятия «ментальность». Именно здесь впервые слово *mentality* употребляется не только как традиционное для французской психологии обозначение мышления, но как система коллективных представлений, как определенная направленность мыслей;

– *«истории повседневности и быта»* (Дж. Кокка¹³¹, А. Людтке¹³², Х. Медик¹³³ и др.), главным предметом которой выступает повседневная жизнь людей. Сторонники «истории повседневности» стремятся проанализировать и понять динамику восприятия, переживания, поведение людей, влияние на них общественных структур и процессов, акцентируя внимание на консервировании в их образе бытия архетипов, свидетельствующих о культурном континуитете;

– *просопографического подхода* в интерпретации британского историка К. Китс-Рохан, тесно связывающей его с биографией и генеалогией. Анализ совокупности данных о людях свидетельствует о различных типах связей между ними, и, следовательно, о том, как они функционировали в социальных, политических, экономических, духовных институтах своего времени¹³⁴;

– *герменевтического подхода*, необходимого при работе с текстами источников, при котором сам текст представляется как проблема, требующая истолкования. Проникновение в глубинный, внутренний смысл, вскрытие подсознательного становится основной целью герменевтики – «понимать автора лучше, чем он понимает сам себя» (Ф. Шлейермахер¹³⁵). При таком подходе наиболее важным элементом анализа становится язык источника, как один из важнейших факторов формирования менталитета, создающий разные модели мировосприятия.

Основным критерием достоверности и обоснованности выводов диссертации является комплексный подход к источникам, учитывающий достижения всех

¹²⁵ Wundt W. Probleme der Völkerpsychologie. Leipzig, 1911. 120 S.; *Id.* Elemente der Völkerpsychologie. Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Leipzig, 1912. 523 S.

¹²⁶ Lévy-Bruhl L. La mentalité primitive. Paris, 1922. 544 p.

¹²⁷ Античность как тип культуры / А.Ф. Лосев, Н.А. Чистякова, Т.Ю. Бородай и др. М., 1988. 336 с.

¹²⁸ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. 448 с.

¹²⁹ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. 505 с.

¹³⁰ Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб., 1997. 557 с.

¹³¹ Kocka J. Sozialgeschichte: Begriff, Entwicklung, Probleme. Goettingen, 1986. 246 p.

¹³² Lüdtke A. Alltagsgeschichte – ein Bericht von unterwegs // Historische Anthropologie. 2003. 11 (2). P. 278–295.

¹³³ Medick H. Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie. Eine Diskussion. Göttingen, 1994. 82 p.

¹³⁴ Keats-Rohan K.S.B. Prosopography Approaches and Applications: A handbook (Prosopographica et Genealogica). Oxford, 2007. 636 p.; также см. Литовченко Е.В. Просопографический подход в исторических исследованиях: специфика, поле применения // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Белгород, 2019. С. 9-12.

¹³⁵ Schleiermacher F. Psychologie. Berlin, 1862. 557 S.; также см. Hirsch E.D. Validity in Interpretation. New Haven, 1967. 287 p.; Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М., 1994; Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1892.

отраслей источниковедения.

Учитывая весь комплекс методологических подходов, мы считаем необходимым использование в данной работе следующих **методов**:

- *ретроспективного*, с помощью которого, опираясь на материал посланий, выявляются причины тех или иных динамических процессов, происходивших в позднеантичном обществе;

- *сравнительно-исторического* в его *синхроническом ракурсе*, помогающего рассмотреть параллели между коллекциями писем авторов, живших примерно в одно и то же время, а также в *диахроническом разрезе*, чтобы проанализировать связи между изучаемыми коллекциями и собраниями писем предшествующих периодов (Цицерон, Сенека, Плиний Мл.);

- *историко-генетического метода*, показывающего генезис и эволюцию феномена эпистолярных коллекций;

- *историко-психологического*, способствующего определению динамики ментального фона, обусловившего развитие эпистолярного жанра в позднеантичный период;

- *герменевтического метода (метода интерпретации)*, использующего приемы толкования текстов, основой которых является включение текстовой информации в более широкий контекст знаний с интерпретацией, добавлением дополнительных значений, зафиксированных в тексте (поиски скрытого смысла);

- *лингвистического анализа* — метода, нацеленного на изучение языковых средств разных уровней в системе художественного текста с функционально эстетической точки зрения, а также их соответствия авторскому замыслу и индивидуальной манере письма;

- *системного метода*, применение которого помогает осмыслить целостность феномена эпистолярных коллекций, рассмотреть их бытование и эволюцию с учетом влияния на них важнейших факторов общественного развития.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что изучение позднеантичных эпистолярных коллекций как целостного культурно-исторического феномена в контексте континуитета и медиализации позволяет внести коррективы, расширить и углубить представления о социальной, политической и духовной сферах латинского Запада, более полно отобразить эволюционные процессы одной из самых сложных транзитивных эпох, коей является поздняя античность. Исследование позволяет рассмотреть под новым углом зрения действия некоторых позднеантичных персоналий, а также привлекает внимание к ранее сравнительно мало изученным в отечественной исторической науке источникам.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты диссертации могут применяться в дальнейших исследованиях по широкому кругу вопросов всеобщей истории, в частности, истории древнего мира, истории религии, истории повседневной жизни, истории интеллектуальной традиции. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке академических курсов по истории и культуре поздней античности и раннего средневековья Западной Европы.

Диссертация *соответствует шифру специальности* 07.00.03 — Всеобщая история (история Древнего мира); областям исследования 2. История Древнего

мира (история Античности), 18. Человек в истории (весь комплекс культурно-антропологической проблематики, в т.ч. история ментальности, история повседневности), 19. Личность в истории. Персоналии, 20. История общественной мысли. Интеллектуальная история, 22. История религии и церкви.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы изложены в 20 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях РФ из списка ВАК, 5 в международных базах данных Scopus и WoS, 1 монографии, а также в более чем 60 прочих научных публикациях.

Результаты исследования апробировались на различных научных конференциях в России, Украине, Молдавии, Казахстане. К числу основных из них относятся: Всероссийские сессии византистов «Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия» (Белгород, 2016), «Византийское «содружество»: традиции и смена парадигм» (Екатеринбург, 2019); «Актуальные проблемы истории древнего мира» (Киев, КНУ, *Украина*, 2011), «Проблемы истории и археологии Украины» (Харьков, *Украина*, 2010, 2012, 2016), «Каразінські читання (історичні науки)» (Харьков, ХНУ, *Украина*, 2008, 2009, 2010), «Шевченківська весна» (Киев, *Украина*, 2008), «Історична наука на початку ХХІ століття: проблеми, минуле, сучасність, перспективи» (Херсон, *Украина*, 2009), «Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья» (Алматы, *Казахстан*, 2008), «Історія світової цивілізації від давнини до сучасності» (Днепропетровск, *Украина*, 2010), «Наука, образование, культура=Știință, educație, cultură» (Комрат, *Молдавия*, 2020), «Историческая память. Люди и эпохи» (Москва, РГГУ, 2010), «Семеновские чтения» (Москва, МПГУ, 2011), «Власть, общество, личность, государство» (Воронеж, ВГУ, 2007, 2009, 2021); «Историческое произведение как феномен культуры» (Сыктывкар, 2012), «Кондаковские чтения» (Белгород, 2007, 2010, 2016, 2019); «Иресиона. Античный мир и его наследие» (Белгород, 2005, 2015, 2016, 2019).

Исследование проводилось при поддержке грантов: Open Society Institute' Research Grant на участие в работе CEU Summer School «Τεχνη. Theoretical foundations of arts, sciences and technology in the Greco-Roman world» (Central European University, г. Новосибирск, 2010); Open Society Institute' Research Grant на участие в работе CEU Spring School «Gender and Legal Culture in Historical Perspective» (Central European University, Budapest, 2011); грант Германской службы академических обменов (DAAD) по программе «Научные стажировки для ученых и преподавателей вузов» (Bremen University, Германия, 2013); Open Society Institute' Research Grant на участие в работе CEU Summer School «Luminosus limes: geographical, ethnic, social and cultural frontiers in Late Antiquity» (Central European University, Budapest, 2014).

Структура работы соответствует избранному типологическому принципу и обусловлена спецификой поставленных задач и источникового материала. Работа включает в себя введение, четыре главы, разделенные на 19 параграфов, в которых последовательно решаются поставленные исследовательские задачи, заключение, библиографический список, а также приложения в виде переводов ряда посланий с латинского на русский язык и таблиц, содержащих сведения просопографического характера.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность работы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, методологическая основа, представлен обзор использованных источников и степень разработанности проблемы, указаны научная новизна, цель и задачи работы, апробация ее материалов, практическая значимость, положения, выносимые на защиту.

В главе I «Феномен позднеантичных эпистолярных коллекций» рассмотрена специфика позднеантичного послания и коллекций писем.

В параграфе 1.1 «Античные письма как литературный «продукт» и исторический источник» произведен анализ письма как эго-документа и особенностей коллекций писем. Установлено, что письмо выражает взаимосвязь между писателем и адресатом (или аудиторией), заключающуюся в диалогическом характере послания. Письма, предназначенные для публикации, являются литературными текстами, с одной стороны, и документальными артефактами, несущими следы реального общения, свидетельства о жизни общества, с другой. Коллекции – это собранные воедино и обнародованные либо во время, либо после жизни их создателя, послания. Важной их чертой является «антихронология», расположение писем в коллекции не в хронологическом порядке, а согласно тематическому принципу или по адресатам. Преднамеренный отход от хронологического порядка говорит об искусственном (литературном) характере корпуса писем, а, следовательно, подразумевает редактуру с определенными целями. Более поздняя публикация выборочной личной переписки ориентирована на тщательно продуманное само моделирование, главной целью которого был тот достойный образ, который должен отпечататься в памяти современников и потомков. В дополнение к использованию возможностей самовыражения переписка позволяла выстраивать собственное литературное сообщество, куда входили представители интеллектуальной элиты, желавшие дифференцировать себя таким образом от остальной массы населения. С особой силой эти тенденции проявились именно в период поздней античности.

Параграф 1.2 «Расцвет эпистолярного жанра в период поздней античности» посвящен выявлению причин популярности эпистолографии в позднеантичный период. Письма занимали центральное место среди «малых литературных форм» поздней античности, чему немало способствовало несколько важных факторов. Развитие бюрократии в Поздней Римской империи, на фоне которой интеллектуалы, следуя заложенной Плинием Мл. традиции, продуцировали письма как альтернативу аристократической самореализации вне политической деятельности, идентифицируя себя посредством литературных штудий как часть имперской образованной элиты. В дополнение к показательной маркировке общего культурного бэкграунда в рамках эпистолярной деятельности, использование сложного стиля, который был понятен лишь небольшой группе посвященных людей и поэтому не всегда доступен для всех, воспринимался в качестве дифференцирующего признака. Обмен письмами служил не только самопрезентации образованной элиты и ее сплоченности, но и в качестве доказательства бытования ключевой практики Romanitas. Позднеантичная эпистолография, таким образом, продвинулась не только в обращении к традиционному образовательному контенту как предмету

обмена письмами, но уже в качестве культурной практики к перформативному выражению римской культуры. Эпистолография также служила средством, при помощи которого можно было продемонстрировать свою влияние. Христианство породило новую епископальную традицию письмописания: письма использовались христианами для утверждения и распространения своих духовных ценностей.

В параграфе 1.3 «Латинский язык и «позднеантичная риторическая модель» как фундаментальная основа эпистолографии» установлено, что общей чертой всех позднеантичных эпистолографов является попытка сохранить латынь как историко-культурный феномен во времена, когда в народной среде языковые нормы расшатывались под влиянием варваров. Литературная письменная латынь в этой ситуации была менее подвержена изменениям и следовала тенденциям консерватизма, стандартизации и элитизации. Эта дивергенция между разговорным и письменным языком выражалась на практике в период поздней античности в том, что на «правильной» латыни говорили в римском сенате и использовали в публичных дискуссиях представители высших слоев общества. Позднеантичная риторическая модель латинского Запада включала в себя: литературную латынь, воплотившуюся в «золотом стандарте» Цицерона; позднеантичную грамматику как часть устоявшейся традиции со структурой и терминологией, типичными для более ранних моделей; «программные» литературные тексты (Цицерона, Вергилия, Теренция, Саллюстия, Горация, Ливия и др.); сочинения Вергилия как квинтэссенцию римской идентичности; формализацию языковой культуры. Эта модель в совокупности всех ее элементов формировала «риторическое мышление» в среде высокообразованной элиты, продуктом которого явились эпистолярные коллекции.

Параграф 1.4 «Назначение и специфика конструирования эпистолярных коллекций» посвящен выявлению особенностей эпистолярных коллекций, в качестве которых рассматриваются собранные воедино и обнародованные либо во время, либо после жизни их создателя, письма, направленные на самопрезентацию автора. Как модель послания, так и корпуса писем в целом, сформировалась на основе четырех эпистолярных коллекций — Цицерона, Сенеки, Плиния Мл. и Фронтонна, и предусматривала ряд стилистических риторических норм. Континуальные процессы отражались, прежде всего, в структуре позднеантичных коллекций писем, которые почти полностью копируют строение коллекции Плиния в десяти книгах. «Плиниева модель», используемая авторами IV–VI вв., предполагала не только отсутствие хронологического принципа и каноническое общее число книг, но и внутреннее расположение. Коллекция должна была «закольцеваться», т.е. первое и последнее письма должны были непосредственно соотноситься друг с другом и, в идеале, иметь символическое значение. Позднеантичные коллекции писем можно разделить на две группы, дифференцирующие письма по тематическому и функциональному принципам, и выделить в них, основываясь, прежде всего, на целях и содержании, шесть основных типов – рекомендательные, хвалебные, утешительные, морализаторские (назидательные), богословские, административные послания.

В параграфе 1.5 «Композиционные, стилистические и содержательные особенности позднеантичного письма» доказывается, что письма в поздней ан-

тичности создавались как для передачи новостей, так и для отображения эмоций и внутреннего мира автора, и характеризовались двумя чертами — «публичностью» и «интимностью»: они были открыты для широкой публики, однако содержали личные подробности, которые делали читателей сопричастными жизни лучших представителей общества. Собрание писем – простое, но эффективное средство, с помощью которого можно было показать связь писателя с элитарной частью общества, которую представлял сам автор. Позднеантичное письмо относилось к риторическому жанру, регламентации в нем подлежало все, поэтому среди поздеримской элиты в повседневной письменности обычно использовался сложный, высокопарный стиль. Использование «формульных» выражений, обязательных для эпистолографии, постепенно привело к усилению стандартизации эпистолярного стиля. Позднеантичное письмо отличалось полифункциональностью, выполняя ряд функций: эстетическую, коммуникационную, эмоциональную, информационную, образовательную и мемориальную, тесно связанную с самопрезентацией автора. Повседневные дела, манеры, образование, связи и статус пропагандировались в позднеантичных эпистолярных коллекциях.

Глава II «Коллекции писем «последних римлян»: языческое прошлое как основа бытия» посвящена дифференциации континуальных и медиевальных факторов позднеантичной культуры и определению отличительных черт сборников посланий Симмаха и Авсония.

В параграфе 2.1 *«Античное и медиевальное: дифференциация, синтез и соотношение в ментальности позднеантичного общества»* мы пришли к выводу о том, что позднеантичные аристократы были самосознательной группой, которая выделяла себя в соответствии с набором идеалов, определявшихся коллективно и издревле. Одним из наиболее важных вопросов было желание самосохранения в тех границах, которые они сами для себя очерчивали. В целом аристократы-интеллектуалы должны были отличаться знатным происхождением, богатством, наличием собственности, престижных социальных связей и, самое главное, классическим образованием. Эти факторы, по большей части, формировали континуальную составляющую менталитета позднеантичной аристократии. К континуальным чертам изучаемого периода мы предлагаем также относить имперский и мифологический компоненты сознания, светско-аристократический образ жизни или отдельные его аспекты, саму приверженность античному эпистолярному жанру, включающему элемент публичности, риторическое мышление. Медиевальные черты выразились в формировании христианского мировосприятия позднеантичной интеллектуальной элиты; динамике отношения к варварам (от полного неприятия до службы варварским королям); превалировании частной власти над публичной, разнонаправленных процессах становления духовной власти епископов: от регионализации епископских полномочий до централизации власти римских пап. Разделение коллекций писем выбранных авторов на три типа обусловлено различными вариантами сочетания континуальных и медиевальных черт культуры поздней античности.

Параграф 2.2 «Квинт Аврелий Симмах» акцентирует внимание на эпистолярном творчестве римского сенатора и язычника Симмаха. Сравнивая его коллекцию с предыдущими эталонами – письмами Цицерона, Плиния, Фронтоня, и с последующими, – Сидония, нужно отметить то, что остается неизменным, – это

большое количество корреспондентов, преобладание писем периода наивысшего расцвета творчества писателя и схожая тематика, подчеркивающая как его семейные, так и более широкие социальные связи, а также политические, финансовые и литературные интересы. Коллекция Симмаха, как три более ранних и одна более поздняя, аккумулирует дух и ценности сенаторского сословия. Мы обозначили Симмаха как одного из «последних римлян» эпистолографии, поскольку его коллекция максимально соответствует корпусам писем Цицерона, прежде всего, по количеству посланий, и Плиния Младшего, по структуре и, частично, по содержанию. Именно по корреспонденции Симмаха средневековое общество судило о позднеантичных эпистолярных канонах. Некоторые аспекты «Симмахова мышления», разумеется, со скидкой на принадлежность к принципиально иной религии, были более или менее свойственны и Эннодию, и Кассиодору, самым поздним из наших авторов, которые не только сравнимы с Симмахом по уровню образования и роду занятий, но так же, как и он, пишут письма для поддержания ощущения общности с другими носителями латинской культуры и лелеют в сознании тот или иной вариант восстановления политического единства, которое при жизни Симмаха еще сохранялось.

В параграфе 2.3 «*Децим Магн Авсоний*» показан позднеимперский мир, который предстает в поэтико-эпистолярных строках Авсония. Это мир благочестивого придворного, примерного семьянина, скромного провинциального человека, дерзкого сатирика-эпиграммиста и, в целом, искусного литератора. Авсоний – христианин, но его понимание христианской истины не было глубоким, и новая религия почти не изменила его мышление. Его сочинения в целом дают четкую картину позднеимперского общества и его повседневной жизни, но эту функцию, по большей части, выполняют его стихи, часть из которых отсылалась в письмах друзьям. На наш взгляд, эпистолография Авсония играла вспомогательную роль, служа проводником его основному творчеству – поэтическим формам. Помимо этого, его коллекция также как и корреспонденция других авторов IV-VI вв., исполняла роль связующего элемента между представителями литературного круга друзей-единомышленников, аристократов-интеллектуалов, которые могли оценить плоды литературной деятельности друг друга. Дружба в исполнении Авсония предполагала, прежде всего, дискуссии по поводу сочинений. Переписка поэта с его друзьями была направлена на систематизированный обмен, посредством которого он и его окружение делились, оценивали и редактировали поэзию. Это сообщество следовало определенному литературному этикету, как с точки зрения самопрезентации, так и в отношении того, как его представители вели себя по отношению к другим *amicis*. Здесь мы можем отметить только одну новую черту, свойственную именно поздней античности, возможность социальной мобильности, примером которой стал Авсоний, не принадлежавший к кругу сенаторской аристократии, но причисленный к ней за свои выдающиеся литературные таланты и достигший вершины карьеры на том же основании.

В главе III «“Медиевально-континуальный” тип позднеантичных коллекций писем: синтез между светским и религиозным» осуществлен анализ синтезного варианта сочетания классических и средневеково-христианских установок в сознании и трудах Сидония Аполлинария, Руриция Лиможского, Авита Вьеннского, Эннодия Павийского и Флавия Кассиодора, четырех епископов и од-

ного государственного деятеля.

Параграф 3.1 «Сидоний Аполлинарий» посвящен определению специфики эпистолярной коллекции Сидония, галло-римского аристократа и епископа. Сидоний представляет V век, и приход вестготов является водоразделом в его судьбе и творчестве. Если в первой половине своей жизни Сидоний имел возможность наслаждаться ею как типичный представитель высшего слоя позднеримского нобилитета, то последние десятилетия коренным образом изменили и его установки, и поведение. Это не могло не отразиться на коллекции его писем, собиранием которой он занимался именно во второй половине своей жизни: Сидоний тщательно конструирует свой образ в письмах, дабы предстать в глазах современников и потомков преданным своей малой родине аристократом, утонченным литератором, пастырем, заботящимся о нуждающихся, но, при этом, старающимся на античный манер соблюдать «золотую середину», не впадая в излишний религиозный пыл, не призывая к целомудрию и аскетизму. Мы видим образ епископа, не отказавшегося от классической пайдеи. Послания Сидония наиболее близки к образцам Плиния. Позднеантичный поэт убедительно отвергает Цицерона как эпистолярную модель, смиренно заявляя, что совершенство невозможно превзойти. Однако сходство все же есть, оно заключается в задокументированных в письмах, обреченных на провал, попытках Цицерона спасти республику и борьбе Сидония за выживание Римской Галлии. При утрате прежних жизненных ориентиров светская литература изображается как ключевая часть повседневной жизни, даже после того, как он стал епископом. Четыре аспекта особенно важны для эпистолярного образа, который рисует Сидоний: его богатство, должности и звания, *paideia*, галло-римская идентичность и претензии относительно его литературного таланта. Все эти черты характеризуют как самого Сидония, так и его коллекцию, с позиций континуитета, запечатлевая традиционные римские ценности посредством античных риторических красок. Безусловно, мы не можем игнорировать и те немногочисленные, но важные, медиевальные черты, которые присущи письмам Сидония: в ранге епископа он переписывается с такими же духовными лицами, как и он сам, время от времени обращается к Библии для аргументации, либо иллюстрирования создаваемых им образов, решает внутренние дела своей епархии. При этом он не погружен во внутрицерковные проблемы или богословские вопросы, он администратор и литератор в гораздо большей степени, что снова возвращает нас к светской культуре, а, следовательно, и к континуальным характеристикам автора.

В *параграфе 3.2 «Руриций Лиможский»* дается портрет еще одного аристократа – Руриция – епископа Лиможа. Письма Руриция представляют самые разнообразные жанры: благодарственные, утешительные, дружеские, хвалебные, рекомендательные, епископские, при этом у него нет посланий строго богословского или догматического характера. Анализируя послания Руриция наряду с корреспонденцией его главных адресатов, таких как Сидоний, мы получаем изображение типичного представителя позднеантичной аристократии, пережившего конец Западной Римской империи и сконцентрировавшегося на событиях и людях в непосредственном его окружении. Как и все галло-римские нобили того времени Руриций занимается хозяйственными делами, управляет своим приходом, погружается в литературное творчество. Руриций поддерживал узкий круг друзей, це-

нителей утонченной литературы, посредством обмена письмами под знаменем *caritas*. Эта циркулирующая корреспонденция способствовала созданию оплота идеологического характера перед лицом распада римского государства на Западе. Дружба, понимаемая как общность чувств и желаний, «соединение душ», оказывается стержнем всей переписки. Письма Руриция Лиможского можно рассматривать как ценное дополнение к другим коллекциям, его предшественников или современников, повествующих о значительных исторических событиях. Руриций затрагивает, в основном, различные аспекты повседневной жизни в заштатном галльском городке, а характер его коллекции — в большей степени, архивный, документальный и даже антикварный, нежели эстетический или мемориальный. Образ жизни Руриция сравним с «сидониевым», разве что имеет более провинциальный характер. Наступающее средневековье отметило его персону посвящением в духовный сан, сопровождающимся соответствующими заботами о своей пастве, как духовными, так и хозяйственными, и близким знакомством с христианской литературой.

Параграф 3.3 «Авит Вьеннский» отведен для анализа писем Авита, епископа Вьенна. Эпистографические притязания Авита, в целом — свидетельство продолжающейся античной парадигмы, однако, качество его прозы отличается утратой высокохудожественного стиля. Причина данного явления заключается в том, что корреспонденция Авита в большей степени «документальная» нежели «литературная». Письма являются в основном его рабочей пастырской и политической корреспонденцией и, таким образом, имеют неопределимую историческую ценность, поскольку его связывали близкие отношения с бургундскими королями (Гундобадам и Сигизмундом). Политическая и теологическая переписка Авита проливает свет на такие вопросы, как отношения между варварскими королевствами и Византией, сравнительно дружеская дискуссия между католиками и арианами в Бургундии, хронология крещения Хлодвига. Послания епископа Вьенна предлагают образ мира, разделенного границами соперничающих государств, в агонии хронической нестабильности в результате развала союзов и постоянных военных конфликтов; мира, в котором жизнь Церкви, раздираемая расколами и ересями и все еще находящаяся под угрозой из-за пережитков язычества, во многом, зависит от капризов политики. Эти письма, адресованные высокопоставленным корреспондентам во всех западных королевствах, а также в Восточной империи, в основном, рассматривались епископом Вьенна как способ сбора информации на благо церкви или ее использования для оказания влияния на паству и, насколько это возможно, монархов, посредством указаний, советов или молитв. В этом, в частности, выражался синтез античного и средневекового мировосприятия епископа, который так же, как язычник Симмах, епископы Амвросий, Сидоний, Эннодий, причастен, так или иначе, к политической жизни, но с целью привнесения в нее ощутимого христианского элемента. Движимый идеалом мира и единства в вере, он умел учитывать вес политических реалий. Преданный служитель церкви, он понимал необходимость дипломатии в отношениях с властями. Он никогда не претендовал на роль Отца Церкви, его богословские суждения носили «служебный» характер в силу того, что были вызваны политическими потребностями. Синтезный вариант его коллекции проявляется в сочетании гипертрофированной риторики и устойчивого политического контекста эпистолярных взаимо-

отношений с пастырской составляющей его текстов.

Параграф 3.4 «Эннодий Павийский» посвящен изучению творчества Эннодия, лигурийского аристократа, создававшего свою коллекцию в сане дьякона в Медиолане. Переписка Эннодия показывает, что литературные интересы и интеллектуальные коммуникации в остготской Италии продолжали способствовать социальным сетям так же, как и в предыдущие века. Основными контактами Эннодия были те, чье влияние позволяло продвигать дела, и поэтому он имел тенденцию чаще всего обращаться к высокопоставленным чиновникам и церковникам. Исходя из числа посланий, которые Эннодий направил отдельным лицам, очевидна корреляция между объемом полученной корреспонденции и престижем адресата в структуре социальных связей Эннодия. Эти связи были очень полезны его родственникам и собратьям-лигурийцам, и тем самым Эннодий служил посредником в установлении связи между северной Италией, Равенной и Римом. Его непрерывный поток писем объяснялся заботой о его социальном статусе в мире *amicitia*. Для Эннодия общение с друзьями было «подарком», снимающим социальную тревогу и изоляцию. При всем этом, его участие в религиозных делах оставило глубокий след в истории Церкви: оба раскола (Лаврентиев, Акакианский), с которыми он боролся, были объединены именно тем, что ставили под сомнение авторитет епископа Рима – позиция, которой Эннодий противостоял, используя всю силу своего риторического мастерства. Будучи епископом, он не «опубликовал» ни одного письма, видимо, потому, что до принятия высокого духовного сана он считал эпистолографию литературой, языческой в своей основе. Несмотря на то, что «синтезный» вариант его мышления, в принципе, допускал обращение к классикам, он не декларировал отказ от литературной деятельности, как Павлин Ноланский, а, скорее всего, просто перевел свою епископскую корреспонденцию в разряд исключительно «деловой», как это сделал Цезарий Арльский.

В *параграфе 3.5 «Флавий Кассиодор»* выявляется специфика эпистолярия Кассиодора Сенатора, активного деятеля при остготском дворе. «Варии» представляют нечто совершенно новое в позднеантичной письменности: Кассиодор объединил концепцию эпистолярной коллекции с административным стилем позднеантичной канцелярии, а также классической традицией энциклопедической экспозиции. Отличия «Варий» от других эпистолярных сборников очевидны, учитывая два тщательно продуманных предисловия, отделяющих официальные документы от личных писем, первый свод канцелярских формул и приложение в виде философского трактата о душе, который можно расценивать как герменевтическую основу содержания писем. Энциклопедические экскурсы «Варий» уникальны в своем роде, т.к. в принципе отсутствуют в традиции административного письма, хотя, в целом, просветительская функция – не новое явление в римской литературе, начиная с Цицерона, она реализовывалась многими авторами, однако не в таком масштабе и не в письмах. Политически ангажированное содержание отражает исторические реалии так, как их видел Кассиодор, что дает возможность исследователям реконструировать жизнь остготского королевства. Административные по своему характеру послания практически освобождены от религиозной нагрузки, поскольку эта часть мировоззрения автора находит свое место в других произведениях. В большинстве позднеантичных корпусов писем реальные факты

зачастую затуманиваются риторическими аллегориями, позволяя прочувствовать специфику позднеантичного эпистолярного нарратива и, при этом, только догадываться об истинных событиях. В этом смысле, коллекция Кассиодора выгодно отличается ясностью изложения. Корреспонденция Кассиодора – высший уровень органичного соединения классической традиции, прежде всего, в плане формы и стиля, с новым содержанием.

В главе IV «Христианская эпистолография IV-VI вв.: религиозные сюжеты как содержательная база писем» рассматриваются коллекции писем Отцов Церкви – Амвросия, Иеронима и Августина, а также епископов – Павлина Ноланского, Фавста Регийского, Цезария Арелатского.

Параграф 4.1 «Амвросий Медиоланский» содержит анализ переписки Амвросия, епископа Медиолана. В своих письмах Амвросий действует как проповедник, сюжеты проповедей которого должны быть не только убедительными, но и образными. Как ритор, писатель и поэт, Амвросий был впечатлен яркими, хотя и далекими от классических, образами Библии, и использовал библейские метафоры, чтобы проиллюстрировать собственные рассуждения. Его коллекция – это удачная попытка поставить римскую литературную традицию на службу христианству. Риторический стиль его посланий с аллюзиями на классических авторов роднит его коллекцию с посланиями Симмаха, Сидония, Руриция, а ее структура следует «модели Плиния». Амвросий очень слабо документирует свою жизнь, не говорит о своем интеллектуальном и духовном развитии или о том, как он пришел к Богу. Он хочет, чтобы его портрет раскрывался через его отношения с друзьями, коллегами, фокусируясь, при этом, на пастырских обязанностях (об этом нам говорит неравное соотношение писем в коллекции, из которых только одна, десятая книга посвящена политической деятельности). Тем не менее, Амвросий привнес в свою епископскую роль острое политическое восприятие, красноречивую риторику и страсть к аскетическому и никейскому христианству. Письма медиоланского епископа раскрывают необычайно одаренную и разностороннюю личность, исключительно волевого человека и чрезвычайно искусного политика, экзегета, погруженного в обсуждение значения сложных библейских текстов. Но, прежде всего, он был добросовестным пастырем, всегда заботящимся о благополучии своей паствы. Мотивация создания коллекции его посланий была, в конечном счете, теологической, но писал он с эмоциональностью античного поэта.

В параграфе 4.2 «Иероним Стридонский» раскрываются особенности мировосприятия и эпистолярного образа еще одного Отца Церкви – Иеронима. Коллекция его писем служила ему как для конструирования святоотеческого образа, базирующегося на непревзойденном авторитете в вопросах аскезы, так и для продвижения своих идей о христианском образе жизни. Здесь мы должны несколько скорректировать популярную на сегодняшний день в мировой науке концепцию Э. Кейна, согласно которой Иероним создал сам себя посредством своей корреспонденции. Мы не можем сказать, что образ Иеронима был создан искусственно, хотя и не отрицаем некоторой гиперболизации автором тех черт, которые ему нужно было подчеркнуть для создания нужного впечатления. Безусловно, обстоятельства его жизни были таковы, что ему часто приходилось защищаться в текстах, проявляя некоторый снобизм, основанный на его глубоких познаниях, прежде всего, лингвистических. Его аскетический опыт трудно отрицать, и в силу этого он дей-

ствительно мог претендовать на руководящую роль в вопросах аскезы, потому что из многих христианских писателей мало кто мог похвастаться подобным. Кроме того, вряд ли бы ему удалось вести за собой заинтересованных в истинно христианском образе жизни людей, если бы его идеология декларировалась только «на бумаге». Иероним обсуждает научные вопросы, пробуждая совесть, утешая страждущих, призывая к аскетической жизни и отречению от мира или выступая против своих богословских оппонентов; он предлагает живую картину не только своего духа, но также своего времени и его особенностей. По его письмам восстанавливается специфика как городского монашества, весьма распространенного в IV в., так и восточного отшельничества. Риторическая традиция рельефно просматривается в его эпистолярном творчестве, а литературные реминисценции – живой элемент его мысли и языка. Многие его письма нарушают античные установления краткости и, по сути, являются богословскими трактатами – черта, общая для большинства Отцов Церкви.

Параграф 4.3 «Августин Гиппонский» посвящен анализу коллекции писем св. Августина. Переписка Августина начинается с того периода его жизни, которым заканчивается «Исповедь», поэтому, очевидно, что автор сознательно действует как эпистолограф-коллекционер. В то же время, ясно, что редактор — возможно, Посидий или какой-то другой инициатор – оказал влияние на форму его коллекции, скомпилировав собрание писем Августина, широко распространенное в VI веке. Письма для Августина – не только способ проведения досуга, имеющего четко выраженный философско-догматический характер, но и насущная необходимость, средство для решения разного рода проблем, связанных с церковным управлением и наставлением паствы. Ранние письма епископа Гиппона в большей степени связаны с повседневными вопросами, с которыми сталкивался духовный лидер региона; мысли Августина, изложенные им в поздних письмах, были направлены на поиск различий между материей и духом, более практические вопросы ранних лет совершенно очевидно уступили место чисто интеллектуальным предметам. В целом, в его текстах перед нами предстает портрет как самого Августина, святого Отца, озабоченного проблемами паствы, церковной дисциплиной, богословскими вопросами, так и позднеантичного общества Римской Африки с его повседневными заботами, борьбой за власть, конфессиональными разногласиями. Классический багаж Августина включал глубоко философский, «сократовский» стиль мышления, риторические знания и умения, которые он с удовольствием применял на практике, но, по большей части, его корреспонденция несет в себе новые средневековые черты: некоторые письма, по сути, представляют собой проповеди, а то и богословские трактаты, тексты полнятся фрагментами из Писания и содержательно направлены на сюжеты, так или иначе, связанные с принципами христианского образа жизни, церковными и догматическими задачами.

В *параграфе 4.4 «Павлин Ноланский»* показана специфика коллекции писем Павлина, галло-римского аристократа и епископа Нолы в Кампании. В его посланиях предстает образ благочестивого, склонного к аскетизму человека, отдающего почти все свое время изучению Писания, хотя он и не являлся библиистом в полном смысле этого слова, как многие из его африканских коллег. В отличие от других западных и восточных религиозных лидеров, Павлин никогда не стремился сочетать монашеский идеализм с напряженной жизнью, связанной с активным

участием в публичных и церковных делах, и не рассматривал языческую литературу и философию как первый конструктивный этап в достижении целей христианства. При этом он все же не смог полностью отказаться от античного наследия: его письма и стихи украшены классическими аллюзиями, а его эпистолография сама по себе является фактором, так или иначе, способствующим сохранению классических традиций. Большинство его адресатов, будучи ревностными христианами и служителями Церкви, воспринимали переписку не только как средство общения, но и как возможность дискутировать по важным аспектам Писания, не покидая пределов своих провинций ощутить единение с братьями по духу. В то же время, он оставался в прекрасных отношениях с членами римской senatorской аристократии. Изобилующая ссылками на Св. Писание корреспонденция Павлина, на наш взгляд, незаслуженно оставалась невостребованной отечественными исследователями в течение многих десятков лет. Безусловно, сведения, сообщаемые этим галло-римским христианским писателем, носят ярко выраженную религиозную направленность, однако, учитывая то значение, которое имели вопросы духовного характера в период поздней античности (прежде всего, мы имеем в виду языческо-христианскую оппозицию, толкования Библии, а также христологические дискуссии), эти свидетельства представляют ценность не только для истории Церкви, но и для конструирования целостной картины мира человека переходной эпохи, в данном случае — поздней античности.

В параграфе 4.5 «Фавст Регийский» рассматривается личность епископа Регия (Рьеза) Фавста как автора писем, которые сохранились в очень малом количестве, только благодаря усилиям его адресатов, необычайно дороживших ими. Синтез богословских работ епископа Фавста и его переписки с выдающимися представителями христианской интеллектуальной элиты дает нам возможность воссоздать портрет одного из типичных представителей позднеантичного общества, во взглядах и деятельности которого сочетались черты как античные, так и средневековые. С одной стороны, мы видим здесь горячее желание донести до благодарного слушателя свои идеи и чувства, воплощавшееся в проповедях, трактатах и письмах, не чуждых риторическим канонам античности; с другой — отказ от мирских радостей, полное посвящение себя служению Богу и нуждающимся, готовность поддержать, дать совет, утешить в печали и, в конечном итоге, привести в лоно Церкви, что вполне подтверждает концепцию «континуитета-дисконтинуитета», обосновывающую особенности, свойственные периоду поздней античности. Благодаря своим личностным свойствам, персона Фавста Регийского является знаковой для того времени: в силу своей особенной святости, возвращенной в Лерине, поддерживаемой его деяниями в течение всей жизни, он стал Учителем для многих достойных людей, имевших счастье быть знакомыми с ним (среди них — фигуры даже более известные, чем сам Фавст, например, Сидоний Аполлинарий). Конструируя духовно-эмоциональные и социальные связи в процессе общения, представители этого круга задавали, тем самым, некий вектор, в соответствии с которым шло развитие позднеантичной духовно-социальной сферы, подготовившее, в конечном итоге, средневековое мировоззрение.

Параграф 4.6 «Цезарий Арелатский» посвящен анализу корреспонденции епископа Арелата (Арля). Его жизнь и труды являются впечатляющим свидетельством появления нового понимания природы и целей общества, которое зароди-

лось в VI веке. Для Цезария именно Церковь, а не восстановленная Империя, обеспечивала действительную модель развития нового общества *Christianitas*. Старый римский политический порядок, казалось, не имел большого значения для Цезария, который вместо этого направил свои усилия в русло христианского прагматизма. Светская культура не привлекала Цезария, и поэтому ему не приходилось бороться с тягой к ней, как, например, тому же Иерониму. По этой же причине мы не найдем в деловых письмах Цезария аллюзий на классических авторов. Вероятнее всего, автор не ставил своей целью публикацию коллекции, вследствие чего она носила исключительно «служебный» характер. Фактически отсутствие редакторской обработки писем роднит этот корпус с корреспонденцией Фавста, которая так же, как и переписка Цезария, скорее всего, сохранилась случайным образом. Он не стремился к тривиальному поддержанию отношений с другими аристократами, т.к. его самопрезентация не предусматривала роли видного представителя нобилитета. Его проза, которую он сам называет *rusticissima*, так как она не подчиняется общепринятым риторическим законам, соответствует желанию быть понятым простыми людьми и найти путь к сердцу любого, потому что она рождена любовью к ближним. Тексты Цезария – разумный баланс между сложностью и простотой: хорошее образование в сочетании со стремлением к ясности и доступности привели к этому результату. Безусловно, огромное влияние на личность и творчество Цезария оказали годы, проведенные в стенах Лерина. И, прежде всего, дух Лерина сказался на конструировании его образа: в отличие от других авторов, он характеризуется предельной скромностью. Коллекция писем Цезария документирует его отношения с коллегами, представляет многообразие сюжетов, от наказаний за инцест до политических интриг среди конкурирующих епископов. На материале писем Цезария можно отследить такой важный момент истории как формирование примата Рима для всей католической церкви. Данный тезис давно является постулатом, но погрузиться в сам процесс культивирования этого феномена возможно, в частности, посредством знакомства со сведениями, которые нам представляет автор посланий. Цезарий осмыслил и переработал патристические материалы, чтобы создать такую модель общества, которая убедительно свидетельствует нам о нем самом как о средневековом европейце в гораздо большей степени, нежели как о представителе культуры *Romanitas*.

В Заключение подведены итоги исследования и изложены основные выводы. Проведенное комплексное исследование эпистолярных коллекций как феномена позднеантичной эпохи показало, что эпистолярные IV-VI вв. явились субстратом позднеантичной духовной культуры, заключая в себе как континуальные, так и медиевальные черты. К континуальным чертам изучаемого периода мы отнесли: имперский и мифологический компоненты сознания, светско-аристократический образ жизни или отдельные его аспекты, восстанавливаемые по эпистолярному материалу; саму приверженность античному эпистолярному жанру, включающему элемент публичности; риторическое мышление. К медиевальным составляющим можно причислить: религиозную конверсию и рукоположение христианских эпистографов; рассуждения экзегетического характера, включающие как цитаты из Писания, так и комментарии к ним; влияние варварского элемента, выразившееся в изменении отношения к ним от античного ойкуменизма с его дихотомией «своей-чужой», до принятия отдельных представителей варварского сообщества в круг

равных; превалирование частной власти над публичной, в нашем случае это муниципальная (или даже выходящая за рамки префектуры, имея в виду дипломатические посольства) деятельность епископов.

Позднеантичные письма, предназначенные для публикации, являются литературными текстами, с одной стороны, и документальными артефактами, несущими следы реального общения, свидетельства о жизни общества, с другой. Коллекции писем изучаемого периода мы дифференцировали по тематическому и функциональному принципам и выделили в них, основываясь, прежде всего, на целях и содержании, шесть основных типов – рекомендательные, хвалебные, утешительные, морализаторские (назидательные), богословские, административные послания. Мы также выявили ряд функций позднеантичного письма: эстетическую, коммуникационную, эмоциональную, информационную, образовательную и мемориальную, тесно связанную с самопрезентацией автора. Мы установили, что письма являются уникальными источниками, сочетающими в себе идеализированный портрет автора и его искренние эмоции по поводу происходящих событий, обеспечивающие «эффект сопричастности» аудитории, для которой предназначались данные тексты. Мы обозначили корреспонденцию позднеантичных авторов термином «коллекция», под которым понимаем не только всеобъемлющее эпистолярное собрание конкретного автора, подвергнутое его личной или опосредованной редакции, но и определенным образом структурированный и предназначенный для публикации (распространения) корпус писем, созданный, прежде всего, с целью самопрезентации автора и его роли в элитарном сообществе поздней античности. Из анализируемых нами тринадцати эпистолярных сборников, по крайней мере, три корпуса писем, Авита, Фавста и Цезария, не подпадают под определение «коллекции»: первый – по причине отсутствия редакции, два других – в силу этого же обстоятельства вкупе с весьма скромным количеством случайно сохранившихся посланий. Но это не умаляет их ценности как исторических источников, а также не отменяет того факта, что их авторы, безусловно, хотели создать себе определенный имидж посредством эпистолярной риторики, прекрасно понимая, что их письма доступны широкой аудитории. Некоторые коллекции, возможно, не представляют большой исторической ценности по отдельности (Авсония, Руриция, Фавста, Цезария), но в совокупности они создают целостную «живую» картину жизни позднеантичного общества.

Исходя из мировоззренческой парадигмы, степени соотношения континуальных и медиэвальных черт в сочинениях выбранных авторов, мы выделили три основных типа позднеантичных коллекций писем. Первый тип – эпистолография «последних римлян» (Симмах, Авсоний), определяется тем основанием, что Симмах был одним из последних выдающихся язычников на Западе империи, а Авсоний – последним крупным поэтом поздней античности на Западе и язычником по своей сути. Эти сборники в концентрированном виде представляют дух и ценности сенаторского сословия, несмотря на то, что Авсоний не принадлежал к кругу сенаторской аристократии по рождению, но был причислен к ней за свои выдающиеся литературные таланты. Эпистолярные коллекции Симмаха и Авсония демонстрируют нам квинтэссенцию континуальных элементов, среди которых – почти скрупулезное следование классическим образцам, конструирование собственного образа как представителя языческой интеллектуальной элиты, узкого круга

лиц, способных оценить риторические изыски. В посланиях Симмаха и стихах Авсония еще явно просматривается «живой» образ «Вечного Рима», а мифологические сюжеты органично вплетаются в канву повествования. Их образ жизни, реконструируемый по письмам и стихам, мало чем отличается от жизненного уклада имперской аристократии, судя по содержанию писем Плиния Младшего.

Второй тип эпистолярных коллекций – «медиевально-континуальную» эпистолографию – представляют Сидоний Аполлинарий, Руриций Лиможский, Авит Вьеннский, Эннодий Павийский, Флавий Кассиодор. Послания этих деятелей церкви и политики выражают синтез между светским и религиозным, а также между римским и варварским. Синтезный вариант сочетания классических и средневеково-христианских установок в сознании и трудах Сидония Аполлинария, Руриция Лиможского, Авита и Эннодия характеризуется, прежде всего, тем, что аристократическая дружба сохраняется посредством активной корреспондентской деятельности, при этом, терминологически, как ее античный вариант (*amicitia*), так и христианский (*caritas*), примерно в равной степени встречаются в текстах авторов. Коллекция Сидония фиксирует привычный для античного аристократа образ жизни, с визитами к друзьям, банкетами и прочими светскими развлечениями, хотя после принятия епископского сана он декларирует отказ от такого рода занятий, делая исключение на практике только для литературной деятельности. В его письмах встречаются как мифологические сюжеты, так и «имперская идея», абсорбированная его провинциальным патриотизмом. Он добросовестно руководит своей паствой, но не имеет склонности к рассуждениям богословского характера. Его отношение к варварам вполне укладывается в рамки античного ойкуменизма, за исключением более лояльного отношения к тем индивидам, которые владели латынью, позволявшее расценивать их как подготовленных потребителей литературного творчества. Письма Руриция в целом можно воспринимать как органичное продолжение коллекции Сидония с некоторыми отличиями, выразившимися в утрате имперской идеологии (его корпус писем отражает время после падения Западной Римской империи) и более мягким отношением к варварам, отдельным образованным представителям которых он даже адресовал письма.

Стиль Сидония пытались воспроизвести как Авит, так и, отчасти, Эннодий, тщательно следуя риторической традиции, но при этом имея разные цели самопрезентации. Хотя оба автора в равной степени стремились быть в гуще событий, для чего вели переписку с варварскими монархами, римскими папами и представителями сенаторской аристократии, Авит позиционировал себя, прежде всего, как духовного наставника – епископа; имидж Эннодия был продиктован заботой о его социальном статусе аристократа-интеллектуала, и потому его письма охватывают только «доепископский» период его жизнедеятельности.

Некоторым авторам (Сидоний, Руриций, Эннодий) был присущ феномен социокультурной модернизации, под которым мы подразумеваем сохранение разумного баланса между происходящими в обществе изменениями и консервацией культурных традиций, способствующий сохранению идентичности в переходные периоды. В ситуации утраты привычных жизненных ориентиров отдельным представителям позднеантичной интеллектуальной элиты удалось сохранить свою идентичность в качестве потомственных аристократов, политиков имперского масштаба и, одновременно, духовных пастырей в складывающемся христианском

обществе.

Коллекция Кассиодора венчает собой ряд сборников писем «медиевально-континуального» типа, с одной стороны, продолжая «плиниеву» традицию, коррелируя с текстами Сидония и его последователей, с другой, выделяется своим уникальным административным колером. Главная миссия Кассиодора как интеллектуала совпадает с уже сложившейся на тот момент тенденцией – осуществить коммуникацию поколений посредством сохранения и передачи классического наследия в посланиях.

Третий тип эпистоляриев – христианская эпистолография IV-VI вв. – представлена именами Амвросия Медиоланского, Иеронима Стридонского, Августина Гиппонского, Павлина Ноланского, Фавста Регийского, Цезария Арелатского, каждый из которых посредством писем конструировал святоотеческий образ с ярко выраженной аскетической составляющей. Эпистолярная коммуникация этих авторов была направлена на формирование *Pax Christiana*, укрепление церковной организации, борьбу с ересями. Несмотря на экзегетическое содержание, свои задачи они решали посредством переписки с соблюдением традиционных риторических устоев.

Большая часть писем Амвросия, Иеронима и Августина, по сути, является трактатами на актуальные богословские сюжеты, написанными в назидательной манере и предназначенными для продвижения христианской философии в среде интеллектуалов, а в виде проповедей — в менее образованной аудитории. Безусловно, это новые черты, не свойственные классическим эпистолярным канонам, требующим, прежде всего, краткости от этого жанра. Коллекция Амвросия в большей степени тяготеет к античным образцам, в силу ее конструирования, согласно модели Плиния. Однако, классические литературные реминисценции свойственны всем трем авторам; они органично сочетаются с многочисленными выдержками из Писания, что говорит о компромиссе между старым (античным) и новым (медиевальным) мирозерцанием. Эпистолярный образ Амвросия представлял епископа, вовлеченного в политику, непримиримого борца с язычеством; Августин – истинный воин Христа, противостоящий как язычеству, так и ересям, выглядит духовным наставником не только для своей паствы, но и для всего христианского мира. В целом, с его позицией коррелирует образ Фавста, хотя и в гораздо более скромных масштабах. Иероним подает себя как образцового аскета, практический опыт которого, выше теоретических изысканий, поэтому он последовательно проводит мысль о том, что только он может являться примером евангельского образа жизни. Павлин Ноланский – апологет «городского» монашества, а Цезарий – стержневая фигура в процессе становления папского авторитета.

Большинство персонажей нашего исследования прошли путь от светских должностей и соответствующего образа жизни до хиротонии и пастырского амплуа. Их картина мира при этом сменилась с антично-рационалистической на средневеково-христианскую. В мировой науке данный феномен принято квалифицировать как «кризис идентичности», т.е. резкий отказ от привычных с детства ментальных установок в пользу новых – христианских. Для обозначения такого рода «перефокусировки» человеческого сознания, при которой сформированное ранее субъективное мировосприятие меняется на противоположное, мы предложили термин «ментальная инверсия». Традиция рассмотрения ментального пово-

рота как «кризиса идентичности» пересмотрена нами в отношении некоторых авторов (Сидоний Аполлинарий, Павлин Ноланский, Августин Гиппонский) в пользу «эволюционной» динамики мировосприятия, т.е., их движение к христианству носило поступательный характер, подготавливаясь как чтением философской (неоплатонической) литературы, так и катехизацией, вкупе со знакомством с экзегетическими сочинениями их современников.

Руководствуясь поставленными задачами, мы пришли к выводу о том, что позднеантичная эпистолография представляет разнообразные коллекции писем, отражающих культурные и административные практики империи, одновременно развивая античную эпистолярную риторику и создавая новые модели для средневековья: манерные письма Симмаха или Сидония, длинные духовно-доктринальные письма Отцов Церкви, которые рассматриваются как трактаты по обучению христианству, фактически оказали определяющее влияние на формирование средневековой культуры, о чем свидетельствует, например, переписка медиоланского дьякона Эннодия.

Классическая литература сформировала саму ткань культурной жизни поздней античности: она определяла модели и источники вдохновения, которые культивировали литературные вкусы и направленность интеллектуальной деятельности образованных людей, от копирования классических текстов до перевода документов, сочинения стихов в традиционных формах, таких как любовные элегии, панегирики, эпиграммы, а также эпистолярные. Но в большей степени, нежели форма, показательны содержание, консервировавшее мифологическую и историческую традицию в творчестве «последних римлян» – Симмаха и Авсония, эпистолярном наследии Сидония, отчасти Руриция и Эннодия.

Корреспонденция поздней античности выступала традиционным способом самовыражения представителей высших слоев общества, для которых литературная деятельность была маркером принадлежности к интеллектуальной элите. посредством эпистолографии конструировались и поддерживались социальные связи, образуя закрытое, элитарное сообщество единомышленников, отличающихся рафинированной культурой, высоким уровнем образованности и таким образом дифференцирующих себя от массы простых людей и варваров. Поддерживая общественные связи, позднеантичные эпистолографы сохраняли коллективный, генетически полисный дух античности в позднеимперском и постимперском обществе, давно забывшем о других полисных идеалах. Обмен письмами для позднеантичного интеллектуала – такая же форма квазиреальности, как социальные сети для человека постмодерна, потому как и в той, и в другой живет образ личности и конструируется образ мира.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях, общим объемом 40,27 п.л.

Публикации в изданиях по списку ВАК РФ:

1. *Литовченко, Е.В.* К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности / Е.В. Литовченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. № 3 (34). Белгород, 2007. С. 30-38 (0,51 п.л.).

2. *Литовченко, Е.В.* Фабий Планциад Фульгенций и первая рецепция античности / Е.В. Литовченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. №19 (90). Белгород, 2010. С. 53-57 (0,4 п.л.).

3. *Литовченко, Е.В.* Проблема репрезентации образа позднеантичной эпохи в письменной традиции авторов латинского Запада IV-V вв. / Е.В. Литовченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. 2011. №1 (96). С. 27-32 (0,4 п.л.).

4. *Литовченко, Е.В.* Классическая и христианская традиции в ментальности позднеантичных интеллектуалов / Е.В. Литовченко // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 1(9): Историческая память: люди и эпохи; специальный выпуск по результатам научной конференции, проведенной совместно Историческим факультетом Государственного академического университета гуманитарных наук и Институтом всеобщей истории Российской академии наук 25–27 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000292-0-2> (1,1 п.л.).

5. *Литовченко, Е.В.* Письма Сидония и жизнь позднеантичного общества / Е.В. Литовченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. №7 (126). Белгород, 2012. С. 69-73. (0,4 п.л.).

6. *Литовченко, Е.В.* Междисциплинарные подходы в исследовании идентификационных признаков позднеантичной интеллектуальной элиты / Е.В. Литовченко // Проблемы истории, филологии, культуры. №3. Магнитогорск, 2013. С. 114-127 (0,8 п.л.).

7. *Литовченко, Е.В.* Отражение концепции «Aeternitas Romae» в трудах позднелатинских авторов / Е.В. Литовченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика. №22 (165). Вып. 28. Белгород, 2013. С. 35-41 (0,4 п.л.).

8. *Литовченко, Е.В.* Феномен галло-римского патриотизма на закате Римской империи / Е.В. Литовченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. №19 (216). Вып. 36. Белгород, 2015. С. 30-38 (0,51 п.л.).

9. *Литовченко, Е.В.* К вопросу о свадебной церемонии в письмах Сидония: некоторые аспекты ритуала / Е.В. Литовченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. №22 (243). Вып. 40. Белгород, 2016. С. 56-61 (0,7 п.л.).

10. *Литовченко, Е.В.* Некоторые традиционные общественные праздники и увеселения на Латинском Западе в V в. н.э. / Е.В. Литовченко // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. №1. С. 58-69 (0,69 п.л.).

11. *Литовченко, Е.В.* Эпизод из жизни галло-римского общества V в. н.э. (послание Сидония Аполлинария Монцию, 461 г.) / Е.В. Литовченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. №15 (264). Вып. 43. Белгород, 2017. С. 33-38 (0,62 п.л.).

12. *Литовченко, Е.В.* Письма Руриция Лиможского к Цезарию Арелатскому (506 год) П.33 и П.36 (вступ. ст., пер. и комм.) / Е.В. Литовченко // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1(41). С. 136-147 (0,81 п.л.).

13. *Литовченко, Е.В., Шилина, С.В.* Патронат и эвергетизм в позднеантичном обществе (по материалам сочинений авторов V – первой половины VI веков) / Е.В. Литовченко, С.В. Шилина // Вестник НВГУ. Гуманитарные науки. 2018. №4. С. 103-113 (1,1/0,6 п.л.).

14. *Литовченко, Е.В., Шилина, С.В.* Специфика коллекции писем Павлина Ноланского и ее значение для исторической науки / Е.В. Литовченко, С.В. Шилина // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 5(103). С. 109-113 (0,4/0,2 п.л.).

15. *Литовченко, Е.В., Парфёнов, В.Н.* Фавст Регийский – «святитель, недостойною лирой воспетый» / Е.В. Литовченко, В.Н. Парфёнов // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. 2018. Т. 45. №4. С. 638-645 (0,56/0,28 п.л.).

16. *Литовченко, Е.В.* Один день из жизни позднеантичного аристократа: Сидоний Аполлинарий в гостях у родственников / Е.В. Литовченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. 2019. Т. 46. №4. С. 620-626 (0,55 п.л.).

17. *Литовченко, Е.В., Болгова А.М.* «Слово против меча»: позднеантичная школа в новых исторических условиях. Рец. на кн.: Тюленев В.М. Римская школа на позднеантичном латинском Западе: (Южная Галлия в V – первой половине VI в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019 / Е.В. Литовченко, А.М. Болгова // Интеллигенция и мир. 2019. №4. С. 104-110 (0,4/0,2 п.л.).

18. *Литовченко, Е.В.* К вопросу о позднеантичной эпистолографии: Павлин Ноланский и его адресаты / Е.В. Литовченко // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 70–84 (1,2 п.л.).

19. *Литовченко, Е.В.* «Катилина нашего века»: письма Сидония Аполлинария о Серонате / Е.В. Литовченко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. №1 (196). С. 43-52 (0,62 п.л.).

20. *Парфёнов, В.Н., Литовченко, Е.В.* Апостол Павел в Иудее: последний визит / В.Н. Парфёнов, Е.В. Литовченко // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. №4. С. 683-692 (0,9/0,3 п.л.).

Публикации в изданиях БД Scopus и Web of Science:

21. *Litovchenko, E., et al.* Three Types of Coexistence of Pagan and Christian Elements in the Late Roman Intellectuals' Mentality / *Litovchenko, E., Shilina, S., Sapenko, V., Dudka, A., & Sinitsa, M.* // Journal of History Culture and Art Research. 2018. 7(2). P. 715-721 (0,4/0,08 п.л.).

22. *Bolgov, N.N., et al.* «The fourth sophistry» in the cultural space of later antiquity (VI-th cent) / *Bolgov, N.N., Bolgova, A.M., Litovchenko, E.V., Procopenko, S.N., Siniza, M.M.* // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. March 2018. Special Edition. P. 578-582 (0,28/0,05 п.л.).

23. *Litovchenko, E., et al.* Sidonius Apollinaris as a flexible thinking person of Fifth-Century Gaul / *Litovchenko, E., Bolgov, N., Bolgova, A., Semicheva, E., Procopenko, S.* // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Vol. 10. P. 363-370 (0,46/0,1 п.л.).

24. *Litovchenko, E., et al.* The image of a Christian in Sidonius Apollinaris' letters / *Litovchenko, E., Kutomanov, S., Ryabtseva, M., Onoprienko I.* // SHS Web of Conferences. 2019. 72(02007) (0,5/0,2 п.л.).

25. *Litovchenko, E., et al.* Late Antiquity: the Regional Specific Nature of Intellectual Tradition / *Litovchenko, E., Zaytseva, I., Rudneva, M., Zolotukhina N., Grechukhina A., Dorokhov M.* // International Journal of Criminology and Sociology. 2020. Vol. 9. P. 2330-2334 (0,63/0,12 п.л.).

Монографии:

26. *Литовченко, Е.В.* «Последние интеллектуалы» позднеантичной эпохи: традиция и транзитивность / Е.В. Литовченко. Белгород: Изд-во ЛитКараВан, 2011. 131 с. (9 п.л.).

Публикации в других изданиях:

27. *Литовченко, Е.В.* К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности / Е.В. Литовченко // Власть и общество: история взаимоотношений. Воронеж: ВГУ, 2007. С. 115-116 (0,11 п.л.).

28. *Литовченко, Е.В.* Roman Decadence: эпоха глазами позднеримской аристократии / Е.В. Литовченко // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2007. С. 178-179 (0,17 п.л.).

29. *Литовченко, Е.В.* Элементы классической традиции в произведениях Авсония и Сидония: К истории ментальности позднеантичного времени / Е.В. Литовченко // Мир Византии: материалы Междунар. науч. семинара. Белгород, 2007. С. 6-14 (0,51 п.л.).

30. *Болгов, Н.Н., Литовченко, Е.В. Смирницких, Т.В.* Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению / Н.Н. Болгов, Е.В. Литовченко, Т.В. Смирницких // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX Региональной НПК. Т. 1. Белгород, 2007. С. 47-55 (0,51/0,17 п.л.).

31. *Болгов, Н.Н., Литовченко, Е.В. Смирницких, Т.В.* Мироощущение и ментальность в эпоху поздней античности / Н.Н. Болгов, Е.В. Литовченко, Т.В. Смирницких // X Чтения памяти проф. Н.П. Соколова. Материалы Всероссийской научной конференции. Н. Новгород, 2007. С. 106-111 (0,34/0,11 п.л.).

32. *Литовченко, Е.В.* Классическая традиция в ментальности позднеантичных интеллектуалов латинского Запада / Е.В. Литовченко // Кондаковские чтения – II. Белгород, 2008. С. 109-112 (0,23 п.л.).

33. *Литовченко, Е.В.* Характер классической традиции в творчестве латинских писателей вандальской Африки / Е.В. Литовченко // Каразінські читання (історичні науки): Тези доповідей 61-ї Міжнародної наукової конференції молодих вчених (ХНУ імені В.Н. Каразіна, 25 квітня 2008 р.). Харків, 2008. С. 180-181 (0,11 п.л.).

34. *Болгов, Н.Н., Литовченко, Е.В.* Феномен Сидония Аполлинария: личность как отражение переходного характера позднеантичной эпохи / Н.Н. Болгов, Е.В. Литовченко // Античный вестник. Проблемы истории древнего мира и раннего средневековья. Вып. 5. Алматы, 2008. С. 15-33 (1,1/0,55 п.л.).

35. *Литовченко, Е.В.* Фульгенций и классическая традиция на латинском Западе в конце V – начале VI вв.: активное бытование или первая рецепция? / Е.В. Литовченко // Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Вып. 11 / Под ред. А.В. Махлаюка. Н. Новгород: ННГУ, 2008. С. 213-220 (0,46 п.л.).

36. *Литовченко, Е.В.* Особенности статусной и этнической самоидентификации позднеримских интеллектуалов / Е.В. Литовченко // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула. Харьков, 2008. С. 56 (0,1 п.л.).

37. *Литовченко, Е.В.* Система средств трансляции классической традиции в

позднеримской литературе (по произведениям Сидония Аполлинария) / Е.В. Литовченко // Гуманитарные науки: сборник научных трудов / СГУ, СГА, Белгородский филиал; науч. ред. Н.В. Сокольская. Белгород: СГУ, 2008. Вып.16. С. 138-149 (0,69 п.л.).

38. *Литовченко, Е.В.* Феномен Сидония: личность как отражение переходного характера эпохи / Е.В. Литовченко // Классическая и византийская традиция. 2008: мат-лы II Международного научного семинара молодых ученых, аспирантов, студентов. Белгород, 2008. С.73-75 (0,17 п.л.).

39. *Литовченко, Е.В.* Традиция и транзитивность переходной эпохи в трудах позднеримских авторов / Е.В. Литовченко // Шевченківська весна. Історія: Мат-ли Міжнародної науково-практичної конференції молодих учених. Вип.: У 2-х част. Ч. 1. Праці вчених. Київ, 2008. С. 101-103 (0,17 п.л.).

40. *Литовченко, Е.В.* Первая рецепция классической традиции в трудах Фульгенция Мифографа (конец V – нач. VI вв.) / Е.В. Литовченко // Каразінські читання (історичні науки): Тези доповідей 62-ї Міжнародної наукової конференції молодих вчених (ХНУ імені В.Н. Каразіна, 24 квітня 2009 р.). Харків, 2009. С. 202-204 (0,17 п.л.).

41. *Литовченко, Е.В.* Сидоний Аполлинарий – духовное лицо или государственный деятель? (по письмам Сидония, галльского аристократа V в. н.э.) / Е.В. Литовченко // Государство и его подданные: века сотрудничества и противостояния: Материалы Третьей региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.) / Под общ. ред. В.Н. Глазьева. Воронеж: Истоки, 2009. С. 200-204 (0,28 п.л.).

42. *Литовченко, Е.В.* Динамика отражения классической традиции в трудах Сидония и Фульгенция / Е.В. Литовченко // Матеріали III та IV Міжнародної конференції молодих науковців «Історична наука на початку XXI століття: проблеми, минуле, сучасність, перспективи». Херсон: ПП Вишемирський В.С., 2009. С. 90-94 (0,3 п.л.).

43. *Литовченко, Е.В.* Основные тенденции переходного времени — традиция и транзитивность – в трудах позднеантичных авторов / Е.В. Литовченко // Гуманитарные науки: сб. [Белгородский филиал НАЧОУ ВПО «Современная гуманитарная академия»]. Белгород: СГА, 2009. Выпуск 13. С. 55-66 (0,69 п.л.).

44. *Болгов, Н.Н., Литовченко, Е.В.* Позднеантичный латинский поэт Авит / Н.Н. Болгов, Е.В. Литовченко // Классическая и византийская традиция. 2009: мат-лы III Международного научного семинара. Белгород, 2009. С. 136-139 (0,17/0,08 п.л.).

45. *Литовченко, Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Письма. I, 1 (перевод с лат.) / Е.В. Литовченко // Классическая и византийская традиция. 2009: мат-лы III Международного научного семинара. Белгород, 2009. С. 225 (0,07 п.л.).

46. *Литовченко, Е.В.* Античная традиция в трудах Сидония Аполлинария и средства ее трансляции / Е.В. Литовченко // Научный молодежный ежегодник. Выпуск IV. Материалы открытого международного молодежного научного форума «Мир глазами молодых ученых» / Под ред. С.А. Репинецкого, С.А. Гомоновой, А.И. Деминой, А.А. Косицина. Самара: СамНЦ РАН, 2009. С. 116-123 (0,46 п.л.).

47. *Литовченко, Е.В.* Павлин Ноланский: кризис личности и смена парадигмы мировосприятия / Е.В. Литовченко // Каразінські читання (історичні науки):

Тези доповідей 63-ї Міжнародної наукової конференції молодих вчених (ХНУ імені В.Н. Каразіна, 23 квітня 2010 р.). Харків, 2010. С. 206-208 (0,17 п.л.).

48. *Литовченко, Е.В.* Технология трансляции образа позднеантичной эпохи посредством микроисторического подхода / Е.В. Литовченко // Современные проблемы и технологии обучения истории: материалы научно-практического семинара в рамках Всероссийской конференции «Развитие педагогического потенциала как фактора обновления качества образования» / [редколл., В.В. Килейников (отв. ред.)]. Воронеж: ВГПУ, 2010. С. 284-288 (0,38 п.л.).

49. *Литовченко, Е.В.* К вопросу о структуре менталитета римской интеллектуальной элиты позднеантичного времени / Е.В. Литовченко // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28-29 октября 2010 г.). Харьков: ТОВ «НТМТ», 2010. С. 57 (0,05 п.л.).

50. *Литовченко, Е.В.* Типология ментальности позднеантичных интеллектуалов с точки зрения сосуществования элементов языческой и христианской картины мира / Е.В. Литовченко // Историческая память: Тезисы научной конференции, Москва, 25-27 ноября 2010 г. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: НОЦ по истории, 2010. С. 172-175 (0,23 п.л.).

51. *Литовченко, Е.В.* Возможности микроисторического подхода в исследовании менталитета интеллектуальной элиты позднеантичного времени / Е.В. Литовченко // Кондаковские чтения III. Человек и эпоха: Античность – Византия – Древняя Русь. Белгород, 2010. С. 163-169 (0,4 п.л.).

52. *Литовченко, Е.В.* Повседневная жизнь римского нобилитета в позднеантичное время (по письмам Сидония, галльского аристократа V в.) / Е.В. Литовченко // Ученые записки исторического факультета БелГУ. Выпуск 2 / Под ред. К.В. Козлова. Белгород, 2010. С. 48-55 (0,56 п.л.).

53. *Литовченко, Е.В.* Дуальная картина бытия позднеримского общества в сознании интеллектуалов латинского Запада / Е.В. Литовченко // Историчні етюди: [зб. наук. пр.] / під ред. д-ра іст. наук, проф. С.І. Світленка. Дніпропетровськ: Літограф, 2011. Вип. 3. С. 49-52 (0,24 п.л.).

54. *Литовченко, Е.В.* К вопросу о взаимоотношениях римлян с варварами в эпоху поздней античности / Е.В. Литовченко // Всероссийская молодежная конференция «Когнитивное моделирование: динамика гражданского общества и фактор национально-конфессиональной толерантности» / г. Белгород, 8-10 сентября 2011 г.: Материалы докладов и выступлений. Белгород: НИУ «БелГУ», 2011. С. 194-198 (0,28 п.л.).

55. *Литовченко, Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод / Е.В. Литовченко // Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород, 2011. С. 200-203 (0,23 п.л.).

56. *Литовченко, Е.В.* Письма Сидония Аполлинария как источник сведений о жизни позднеантичного общества / Е.В. Литовченко // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 3. Белгород, 2011. С. 46-52 (0,51 п.л.).

57. *Литовченко, Е.В.* Основные элементы классической традиции в ментальности позднеантичных интеллектуалов латинского Запада / Е.В. Литовченко // Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2012». Вып. 1. Том 23. Одесса: Куприенко, 2012. С. 84-87 (0,17

п.л.).

58. *Литовченко, Е.В.* Три варианта сосуществования языческих и христианских элементов в ментальности позднеримских интеллектуалов / Е.В. Литовченко // Материалы VII и VIII Всероссийских научных конференций «Чтения памяти профессора В.Ф. Семенова» («Семеновские чтения»). М.: МПГУ, 2012. С. 67-71 (0,41 п.л.).

59. *Литовченко, Е.В.* Римская вилла позднеантичного времени (по данным Сидония Аполлинария) / Е.В. Литовченко // Гендер, права человека, историческое знание: актуальные проблемы и перспективы исследований: сборник статей и тезисов докладов I Всероссийской научной конференции с международным участием. Май 2012. Липецк: Гравис, 2012. С. 28-31 (0,25 п.л.).

60. *Litovchenko, E.V.* The basic elements of classical tradition in the mentality of Late Antiquity's intellectuals / E.V. Litovchenko // Modern scientific research and their practical application / Ed. by Alexandr G. Shibaev, Sergiy V. Kuprienko, Alexandra D. Fedorova. Vol. J21203. Odessa: Kuprienko, 2012. P. 23-27 (0,28 п.л.).

61. *Литовченко, Е.В.* Основные подходы к интерпретации письменного наследия Сидония Аполлинария (V в. н.э.) / Е.В. Литовченко // Историческое произведение как феномен культуры: [материалы VII Международной научной конференции. Сыктывкар, 19 октября 2012 г. / отв. ред. А.Ю. Котылев, А.А. Павлов]. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. Вып. 7. С. 19-28 (0,58 п.л.).

62. *Литовченко, Е.В.* К вопросу о «понимании и интерпретации» сочинений Сидония Аполлинария (V в. н.э.) / Е.В. Литовченко // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции (Харьков, 9-10 ноября 2012 г.). Харьков: ООО «НТМТ», 2012. С. 54 (0,05 п.л.).

63. *Литовченко, Е.В.* Проблема определения идентификационных признаков позднеантичной интеллектуальной элиты / Е.В. Литовченко // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции. Белгород: Политерра, 2014. С. 118-123 (0,36 п.л.).

64. *Литовченко, Е.В.* Письма Сидония как образцы эпистолярного жанра в позднеримской литературе / Е.В. Литовченко // Cursor mundi: Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Иваново: ИвГУ, 2014. Вып. 6. С. 6-14 (0,51 п.л.).

65. *Литовченко, Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Письма Гауденцию и Фелицию (пер. с лат. и коммент. Е.В. Литовченко) / Е.В. Литовченко // Cursor mundi: Человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. Иваново: ИвГУ, 2014. Вып. 6. С. 15-16 (0,11 п.л.).

66. *Litovchenko, E.V.* The Cultural Space of Imperial Provinces as a Factor in Preserving Roman Identity in Late Antiquity / E.V. Litovchenko // Tractus aevorum. Эволюция социокультурных и политических пространств. Сетевой научный журнал. №1(2). 2014. С. 195-201 (0,4 п.л.).

67. *Литовченко, Е.В.* К вопросу о динамике в сфере брачно-семейных отношений в Риме имперского периода / Е.В. Литовченко // Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов VI международной научной конференции. Декабрь 2014. Липецк: Гравис, 2014. С. 62-68 (0,42 п.л.).

68. *Литовченко, Е.В.* Особенности клиентских отношений в позднеантичный период (по письмам Сидония) / Е.В. Литовченко // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. IV. Белгород: ООО «Эпицентр», 2015. С. 158-164 (0,46 п.л.).

69. *Литовченко, Е.В.* О представителях «интеллектуальной элиты» позднеантичного времени / Е.В. Литовченко // Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов VII всероссийской научной конференции с международным участием. Май 2015. Липецк: Гравис, 2015. С. 33-36 (0,23 п.л.).

70. *Литовченко, Е.В.* Элементы внешней репрезентации классической традиции в позднеантичном обществе / Е.В. Литовченко // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции. Белгород: Политерра, 2015. С. 115-119 (0,3 п.л.).

71. *Литовченко, Е.В.* Идея «Вечного Рима» (*Aeternitas Romae*) в творчестве Рутилия Намациана / Е.В. Литовченко // Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов VIII международной научной конференции. Декабрь 2015. Липецк: Гравис, 2015. С. 32-37 (0,36 п.л.).

72. *Литовченко, Е.В.* Некоторые персонажи «Константинова века» в послании Сидония (письмо Секундину, 477 г.) / Е.В. Литовченко // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов / Под ред. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова. М.; Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. С. 123-125 (0,21 п.л.).

73. *Литовченко, Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Послание Симплицию и Аполлинарию (472 г.) / Пер. с лат. Е.В. Литовченко // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. V. Белгород, 2016. С. 66-69 (0,25 п.л.).

74. *Литовченко, Е.В.* Роль мифологической традиции как структурообразующего элемента ментальности древнеримского общества в позднеантичный период / Е.В. Литовченко // Общество. Гендер. История: сборник статей и тезисов докладов IX международной научной конференции. Июнь 2016. Липецк: Гравис, 2016. С. 30-34 (0,29 п.л.).

75. *Литовченко, Е.В.* Сидоний Аполлинарий. Послание Турну / Е.В. Литовченко // Сборник Радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини. Collection of papers of the Faculty of Philosophy. Број (Vol.) XLVI (2), 2016. С. 479-492 (0,66 п.л.).

76. *Литовченко, Е.В.* Социальное окружение Руриция Лиможского (конец V — начало VI вв. н.э.) / Е.В. Литовченко // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 125-летию проф. К.Э. Гриневича (Харьков, 4-5 ноября 2016 г.). Харьков: ООО «НТМТ», 2016. С. 36-37 (0,11 п.л.).

77. *Литовченко, Е.В.* Руриций Лиможский — друг и коллега Сидония Аполлинария / Е.В. Литовченко // Кондаковские чтения - V. Античность – Византия – Древняя Русь. Белгород, 2016. С. 73-78 (0,35 п.л.).

78. *Литовченко, Е.В., Сапенко, В.Ю., Шилина С.В.* К вопросу о галльском региональном микросоциуме рубежа V-VI вв. / Е.В. Литовченко, В.Ю. Сапенко, С.В. Шилина // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции. 18 ноября 2016. Белгород: Политерра, 2017. С. 172-175 (0,23/0,08 п.л.).

79. *Литовченко, Е.В.* «*Sidoniana*»: кратко об основных тенденциях отечественной историографии письменного наследия Аполлинария Сидония / Е.В. Литовченко // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции. Белгород, 2017. С. 186-192 (0,42 п.л.).

80. *Литовченко, Е.В.* К вопросу о специфике позднеантичных эпистолярных коллекций (IV–VI вв.) / Е.В. Литовченко // Классическая и византийская традиция. 2018: сборник материалов XII научной конференции. Белгород, 2018. С. 164-170 (0,41 п.л.).

81. *Литовченко, Е.В.* Просопографический подход в исторических исследованиях: специфика, поле применения / Е.В. Литовченко // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции. Белгород: Политерра, 2019. С. 9-12 (0,24 п.л.).

82. *Литовченко, Е.В.* К вопросу об образе христианина в письмах Сидония / Е.В. Литовченко // Византийское содружество: традиции и смена парадигм: тез. докл. XXII-й всероссийской научной сессии византистов РФ, Екатеринбург, 24-28 сентября 2019 г. / Под ред. М.В. Грацианского, Т.В. Куш. Екатеринбург: УрФУ, 2019. С. 95-98 (0,2 п.л.).

83. *Литовченко, Е.В.* «Чувствительная душа в оковах страданий»: Сидоний в изгнании / Е.В. Литовченко // Кондаковские чтения - VI. Античность – Византия – Древняя Русь. Материалы VI международной научной конференции. Белгород, 2019. С. 123-128 (0,36 п.л.).

84. *Литовченко, Е.В.* *Femina bona*: женские добродетели в позднеантичном обществе (IV-V вв.) / Е.В. Литовченко // Иресиона. Античный мир и его наследие. Выпуск VI. Белгород, 2019. С. 36-44 (0,76 п.л.).

85. *Литовченко, Е.В., Давыденко И.Л.* К вопросу о латинской агиографии IV-V вв. / Е.В. Литовченко // «Știință, educație, cultură», conferință științifico-practică internațională (2020; Chișinău). Conferința științifico-practică internațională «Știință, educație, cultură»=Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 29-й годовщине Комратского государственного университета: Сборник статей / науч. ком.: С.К. Захария (председатель) [и др.]. Komrat: Tipogr. «A&V Poligraf», 2020. С. 45-49 (0,28/0,14 п.л.).

86. *Литовченко, Е.В.* Контекстно-исторический анализ в исследовании эго-документов / Е.В. Литовченко // Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие. Материалы международной научно-практической конференции. Белгород, 2020. С. 7-15 (0,41 п.л.).

87. *Condorelli S., Horváth Á., Litovchenko, E., Styka J.* Sidonius Scholarship: Twentieth to Twenty-First Centuries // *The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris* / S. Condorelli, Á. Horváth, E. Litovchenko, J. Styka / Ed. by G. Kelly and J. van Waarden. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. 564-617 (49,22/1 п.л.).